АЛЕКСАНДР ИВАНОВ



ЭДЕЛЬВЕЙСЫ ОСТАЮТСЯ ВНИЗУ

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

ЭДЕЛЬВЕЙСЫ ОСТАЮТСЯ ВНИЗУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕКТЕП»
ФРУНЗЕ — 1973

763—078
М 452(17)—73 36—73

552
И—20

Иванов Александр

Эдельвейсы остаются внизу. Очерки. Ф., «Мектеп», 1973.

128 б.

165 см. 3000 экз. 22 к.

В эту книгу входят два очерка — «Эдельвейсы остаются внизу» и «Ледниковцы». Они посвящены людям, связанным своим нелегким трудом с горами,— геологам Тянь-Шаня и гляциологам Памира.

© **Издательство «Мектеп», 1973 г.**

Александр Иванович Иванов

ЭДЕЛЬВЕЙСЫ ОСТАЮТСЯ ВНИЗУ

Очерки

Редактор Е. Колесников
Художник А. Попов
Художественный редактор А. Мисюрев
Технический редактор В. Косарева
Корректоры С. Е. Аксененко, В. П. Мединская

Сдано в набор 4/VI-1973 г. Подписано к печати 7/IX-1973 г. Формат бумаги 70×108¹/₃₂, 5,60 печатных листов, 4,96 учет. из. листов. Д—03811. Заказ № 2653. Тираж 3000 экз. Цена без переплета 16 коп. Переплет 6 коп.

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102. Киргизполиграфкомбинат Госкомитета Совета Министров Киргизской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

ЭДЕЛЬВЕЙСЫ ОСТАЮТСЯ ВНИЗУ

I

Малышев поднялся на перевал. Ему открылась привычная картина. Врезанное в водораздельный гребень ущелье, постепенно расширяясь, уходит вниз. Голые каменистые склоны лишь где-то вдали, на подступах к Сарыджазу, покрыты темными пятнами кустов джерганака. А сам могучий Сарыджаз, чьим именем назван и этот горный район, и геологическая партия, кажется сверху голубоватой ниточкой, смиренно вьющейся меж гранитных кряжей. Горизонт замыкают седовласые великаны, вставшие на границе с сияющим небом и уводящие в беспредельность — нет им конца и края.

Произведя визуальные наблюдения за всеми изменениями пород в окрестностях перевала, Малышев направился к палаткам. Тяжелый рюкзак сидел на его плечах плотно, словно сшитый по заказу. Да и сам он, рослый, легко одолевающий крутизну, был точно создан самой природой для этих суровых, пронизанных резким светом гор.

Его цепкий, натренированный взгляд ловил едва заметные жильные проявления, выходы изверженных пород. Если они «пахли» рудой, Малышев останавливался, отсекал молотком образцы, старался определить, насколько богато в них содержание касситерита. Иногда вкрапления минерала не были видны. Однако чутье подсказывало, что кварцевая порода, контактирующая с турмалином, насквозь пропитана оловянной рудой. Имело смысл брать в рюкзак штуфные пробы — крупные куски породы, которые потом прощупывались в лаборатории спектральным или химическим анализом.

Ущелье, куда он спускался, напоминало каменистый колодец, пропиленный у основания ручьем. В таких местах недра чаще всего приоткрывают свои карты. Если обычно коренные горные породы скрыты под слоем почвы, разнообразной растительности, то на срезах склонов или в обрывах рек они выходят наружу. Изучая эти коренные обнажения и составляя из мозаичных наблюдений общую связную картину, геологи и делают свои первоначальные выводы о тех или иных рудопроявлениях.

Здесь обнажения встречались на каждом шагу. Но не успел Малышев порадоваться двум-трем ценным находкам, как сверху послышался стремительно нарастающий шум. Он отскочил в сторону и спрятался за выступ скалы. Огромный камень пролетел мимо него, оставляя на склоне рваные отметины.

Малышев не придал этому значения. С гор постоянно срываются подточенные временем куски породы. Но только он сделал шаг от скалы, как раздался грохот и рядом пронеслась каменная глыба. Потом еще и еще. Для стихии они летели слишком целенаправленно. Малышев посмотрел вверх. Понял, что происходит. На краю обрывистого склона стоял медведь. Рыжий, могучий, какие в горах попадаются редко. То ли по злости то ли так, потехи ради, ему захотелось пошвырять в человека камнями.

Бесполезно было надеяться, что медведю скоро наскучит это занятие. Он даже ревел от удовольствия. Сидеть до темноты за скалой Малышев не собирался. Стрелять в медведя тоже: слишком он был хорош!

Выбрав момент, когда медведь сбросил очередную глыбу и повернулся, чтобы подкатить другую, Малышев метнулся вниз по склону и спрятался под нависшей пли-

той. Сразу же стал высматривать следующее укрытие. Так повторялось несколько раз, пока он не ушел достаточно далеко.

А медведь все продолжал забавляться, не заметив его исчезновения. Глыбы продолжали громыхать, и еще долго по ущелью блуждало эхо.

Одна палатка была отведена специально для образцов. Часть из них детально изучалась здесь же, часть отправлялась для уточнения в лабораторию управления геологии. Малышев разложил на полках собранные за день пробы —и штуфные, и бороздовые. Среди них было много обнадеживающих. Надо сказать парням, чтобы завтра параллельно с рытьем канав занялись разбором образцов.

А в соседней палатке шел серьезный разговор. Анатолий Шаталин и Виктор Белошапкин прорабатывали Глеба Кудельника, появившегося в отряде месяца два назад. Малышев остановился возле палатки, раздумывая. Если войти туда, они могут при нем, начальнике отряда, сгладить углы, не высказаться столь определенно, оставив последнее слово за ним. А ему нужно было знать, какова их позиция. Потому что доверять человеку можно лишь тогда, когда ты уверен, что даже в сложнейшей ситуации он примет единственно правильное решение.

Но оставаться за стенкой и слушать... Малышев вошел.

— И какой же ты после этого человек,— Анатолий особенно подчеркивал конец фразы,— какой же ты человек, если драпаешь из отряда, когда больше всего работы? Да за такое дело тебе трудовую книжку надо так разрисовать, чтобы в другие места, куда будешь соваться, поостереглись принимать!

Виктор, презрительно оглядев Куделькина, предло-

жил коротко, по-мужски попотчевать его. А потом уже «бюрократию разводить». Чтобы, мол, кроме административной, тоже кое-какая память осталась.

Но Малышев возразил:

— Кулаки отставить! Не тот аргумент.

— А если он ни шиша не понимает?

— Когда-нибудь поймет. Нам не удастся, другие втолкуют.

— Зря мы филонам послабление даем. Они ведь тоже самое, что и расхитители государственной собственности. Замаскированные только. Вон из-за этого,— Виктор ткнул рукой в сторону Куделькина,— сколько мы потеряем? Вам-то лучше известно, Сергей Степанович.

В палатке напряженная тишина. Парни пыхтят сигаретами. Анатолий, не выносивший прежде табачного дыма, выкуривает подряд несколько штук. Пытается заглушить раздражение. Но оно накатывается опять и опять, стоит только подумать о том, что теперь их ожидает. Ведь положенный объем земляных работ рассчитан Малышевым на них троих. А осталось двое — он и Виктор. Вот и выкручивайся, как хочешь. Правда, можно заняться другими делами, сидеть сложа руки Малышев так или иначе не даст. Но обнажение коренных пород канавами все равно сейчас — самое главное. Зарядят дожди — тогда не очень-то походишь по крутобоким склонам: загреметь с них — дважды два. Надо бы поторопиться, а тут...

— Чего расселся, как на вокзале. Проводы мы тебе устраивать не собираемся,— снова вскипел Анатолий. — Сматывай свои манатки и — на все четыре стороны.

Виктор, приглаживая пятерней пряди длинных волос, невозмутимо добавил:

— Будешь фланировать по столичной панели, не забудь заскочить на главпочту. За трудовой книжкой и за

деньгой, которая тебе причитается. Мы все это бандеролью спровадим. Верно я говорю, Сергей Степанович?

Малышев кивнул:

— Можно и так.

Куделькин поерзал на табурете, насупился. Ему казалось, что парни отнесутся к его решению гораздо мягче. Он и не думал их подводить, а что захотел уехать — так на это каждый имеет право. Не нравится — пиши заявление. И все-таки получилось нехорошо. Он чувствовал это. Но отказаться от своего намерения ему не позволяло упрямство. Вот если его попросят...

— Я считаю,— попытался найти он лазейку,— что надо честно признаться, если работа тебе не по плечу. Был у нас на заводе, где я прежде работал, один инженер. Так себе, средненький. А его потом начальником цеха сделали. Не справлялся он, каждому было видно. Говорили ему об этом в глаза, а он ничего, сносил. Полагал, что мы ошибаемся. Нравилось ему это место. А уступи он его другому, наш цех стал бы лучшим на заводе. Одних премиальных мы недополучили из-за него столько, что вспоминать больно... Его урок — другим наука, заверяют классики. Вот я и уступаю свое место более достойному.

Парни не сразу нашлись, что ответить. Чуть помедлив, Малышев пристально посмотрел на Глеба:

— Жалок не только тот человек, который цепляется за должность, хотя она ему не по силам, но и тот, который способен справиться с трудным делом, а ограничивается пустяковым.

— Каков тип!— возмутился Анатолий.— Он, видите ли, уступить готов! Сознательный! А работа хоть пропадай?

Куделькин втянул голову в плечи, как боксер, уходящий в глухую защиту:

— Да что вы, ребята? Посидите в палатке, отдохнете или охотой займетесь. Пока Сергей Степанович вместо меня кого-нибудь не подыщет. Вам же лучше. Обоюдная польза.

— Ясно,— Виктор встал, распахнул ногой дверь.— Проваливай!

Потом они уселись возле раскладного столика и стали прикидывать, как целесообразней теперь распределить обязанности, чтобы успеть выполнить намеченный объем работ. И Анатолий опять курил. Малышев, вырвав у него сигарету, смял ее в пепельнице из консервной банки.

Когда он вышел из палатки, сгустились сумерки. Но по-прежнему рельефно были обозначены берега Сарыджаза. И тропинки, взбегающие вверх. Их здесь петляет уже много — запутанных, кружных, огибающих каждую расщелину. Они то прячутся, то появляются, снуют по склонам. А одна — прямая — через горбы скал, через жутковатую пустоту.

И Малышеву подумалось, что и парни, идущие в Сарыджазскую партию, выбирают различные пути. И по-разному относятся к делу... Такие, как Куделькин, наверняка петляют, шарахаются от нависших гранитных глыб. А большинство парней, и в этом он убеждался не раз, приходят по прямой тропе. Она становится все шире, становится обжитой. Самая крутая.

Конечно, он заметил колебания Глеба Куделькина. Для него было очевидным, что потолкуй они с ним полояльней, он остался бы. Но сознавал Малышев и другое: колеблющимся, тем, кто может подвести не сейчас, так через месяц,— здесь не место.

Парни идут в опасные маршруты или работают под землей не с безмятежной улыбкой. Они хмурятся. Они ругаются. Они бывают чертовски недовольны. Он пом-

нит, как известный проходчик Шамиль Максютов, проклиная слабую подачу воды в забой, горячился: «Последний раз я здесь, что это за производство! Вот возьму и махну в другую партию, где все нормально. Завтра же пишу заявление».

А его товарищи только усмехались. Это они уже не раз слышали. И отлично знают: никуда не уйдет Шамиль, не уйдет потому, что вообще не может уйти оттуда, где что-то начал, где необходим. И тут не просто привычка. Большая человеческая привязанность. К людям, к самой природе — суровой и величественной.

Таких людей в Сарыджазской партии он знает немало. Геофизики Володя Гудимов и Саша Галяев, радист Альберт Штоппель и съемщик Феликс Борисов... Они скучают по городу, где остались их семьи, мечтают о маршруте по театрам и филармониям, а сами, едва попав туда, стремятся вернуться в партию. Потому что она стала для них хлебом и солью, самым главным в их жизни.

Малышев еще раз посмотрел на тропинки. Путанные, кружные, их уже поглотила тьма. И только прямая тропа — крепкая, обжитая, легко выхватывалась взглядом. По ней и приходят в высокогорную партию настоящие парни.

День за днем отряд Сергея Степановича Малышева вел поиск касситерита, этой ценной оловянной руды. Закончив описание северного склона Инылчекского хребта, отряд перешел на южный. И почти сразу же Малышев обнаружил касситеритовые жилы.

Из маршрута он возвратился сияющим:

— Ну, ребята, дела наши пошли в гору!

— Что, клад откопали?

— Откапывать еще предстоит. Посмотрите,— и он протянул ладонь, на которой лежал кусок белого квар-

ца, сплошь покрытый серыми, с металлическим блеском зернами касситерита.

— Ух ты! — восхитился Анатолий.— И много таких образцов?

— На наш век хватит. Но поработать придется крепко.

— Этим нас не удивишь.

— Ну тогда, не откладывая на утро, отшлихуем то, что завалялось в моем рюкзаке.

Виктор взялся за лямки рюкзака и чуть было не присел:

— Ого! Новый рекорд в переносе тяжести через Иныльчекский хребет! Вы что, Сергей Степанович, пристыдить нас хотите? Чтобы мы еще активней вгрызались в грунт?

— Активней некуда. За троих поспеваете,— улыбнулся Малышев. Ему легко было с ними, Виктором и Анатолием. Толковые, работящие, они умели шуткой украсить короткий вечерний отдых.

— Анатолий пытался сегодня ввести научную организацию труда,— рассказывал Виктор.— Под маркой концентрации сил и средств он предложил на подъеме оба рюкзака взваливать на мои плечи, а при спуске—на его. Не вышло!

— Какой ты товарищ!— Анатолий безнадежно махнул рукой.— Заслон на пути прогресса. Давай-ка лучше делом займемся.

В чугунную ступу закладывается порция породы, измельчается, затем, пройдя через сито, попадает в лоток. При промывке легкие частицы всплывают, а частицы тяжелых минералов остаются на дне лотка. Этот остаток геологи называют шлихом. Благодаря шлихованию они ориентировочно определяют расположение рудного

тела и содержание руды в залегающих на том или ином участке.

Малышев пересыпал шлих в мешочек, прикинул на вес. Предположение его подтвердилось. Содержание руды высокое. Район Ташкоро надо прощупать основательно.

Он верит в интуицию. Но не больше, чем в силу солнечного луча, способного проникнуть сквозь крону деревьев и пасующего перед первой гранитной сопкой. Он крепко полагается на науку. Но не больше, чем на идеального героя пьесы, последний акт которой еще не дописан. Он стремится соединить все это в себе, чтобы наука и интуиция взаимодействовали, дополняли друг друга, чтобы с его помощью идеальный герой хоть на шаг или полшага продвинулся дальше.

Еще до того, как отряд приступил к поиску, да и позже, в камеральный период, Малышев перерыл архивы, изучая работы предшественников, прямо и косвенно связанные с Сарыджазом. Нет, он и его товарищи не были первыми, кто всерьез заинтересовался богатством этого края. Сотни лет назад, вооруженные самыми примитивными орудиями труда, люди с непостижимым упорством долбили здесь горные склоны, проникали порой в самое их нутро, однако малейшие препятствия — появление воды в штольне, отклонение рудного тела заставляли их поворачивать вспять. Малышев не раз наталкивался на полузасыпанные выработки, следы их поисков, и убеждался в том, что и тогда геологи были не так уж далеки от истины.

В 30-е годы поисковые отряды москвичей и ленинградцев несколько сезонов работали на Иныльчеке и Сарыджазе в надежде напасть на крупные залежи олова. Они ходили вокруг этих залежей, били шурфы. Но тщетно. Бесплодные поиски привели к печальному за-

ключению: содержание олова крайне незначительно, вряд ли имеет смысл приходить сюда еще раз.

Знакомясь с отчетами, Малышев видел, на чем спотыкались его коллеги, где, увлекаясь масштабами, не замечали тоненькой ниточки, ведущей к месторождению.

Ночью он решил обследовать район Ташкоро с люминескопом. Рядом могли оказаться и другие ценные минералы.

Зыбкие тучи заслонили небо, и бледное пятно луны просвечивало сквозь них, как сквозь матовое стекло. Это было как раз кстати. Включив люминескоп, Малышев направился вдоль склона. Минералы, особенно такие, как шеелит, имеют свойство чутко откликаться на посылаемые к ним ультрафиолетовые импульсы. То там, то здесь он наблюдал голубоватое свечение. Словно на пути его кто-то щедро рассыпал светлячков. Где гуще, ярче свечение, там возможно скопление шеелита — вольфрамовой руды. Такие места он отмечал каменными столбиками, чтобы потом было легче их отыскать.

В палатку вернулся только под утро, залез в спальник и мгновенно уснул. А когда проснулся, на столе с приготовленным завтраком увидел записку:

О чем во сне вам говорит
Ваш лучший друг касситерит?
Уж не о том ли, что и нам,—
Делить заботы пополам?!

Стихи в горах пишут почти все. Во всяком случае хотя бы так, для своих товарищей. Малышев еще раз прочитал записку. Да, похоже, что Виктор и Анатолий в обиде на него. Им хочется делить тяжелую ношу поисков поровну, а он то и дело забегает вперед. Деликатненько намекают, черти!

Склон был расчерчен линиями канав. Видимые те-

перь коренные породы позволяли выяснить характер залегания кварцевых жил, содержащих касситерит. Куда они ведут? На какую глубину? Везде ли равномерно распределена по ним рудная порода?

Присев на край канавы, Виктор и Анатолий слушали Малышева. Зацепиться еще и за вольфрам — разве это не заманчиво? В отличие от многих рабочих, приезжающих на Сарыджаз, эти двое измеряли свой труд не по объему, а по значимости. И хоть порой такой принцип был в ущерб их заработку, они оставались верны себе.

Малышев сказал, что он просветил скарны — породу, которая образуется на контактах между гранитом и мрамором, и поражен результатами. Места любопытнейшие. Ему не терпится поскорее пройти по ним снова, взять пробы.

— А не пошатнулся ли теперь в ваших глазах авторитет касситерита?—слегка сощурившись, как от яркого света, спросил Анатолий.

— Ничуть. В любом случае будем продолжать поиск.

— На два фронта?

— Ребята,— взмолился Малышев,— может по дороге поупражняетесь в острословии?

— Согласны, только при условии, что вы больше не будете пренебрегать нашей помощью.

— Чудаки! Чего вы добиваетесь? Да я же вам спать не дам!

— Отоспимся дома.

— Ну, смотрите.

В тот же день они прошли по отмеченным местам, взяли пробы. Оказалось, что олова там больше, чем вольфрама. Малышева это не огорчило. Скорее наоборот: компактное размещение ценных минералов открывало возможность вести совмещенный поиск.

— Пожалела вас природа, Сергей Степанович,—

добродушно подтрунивали рабята.—Спасла от раздвоения личности.

Отправляя часть проб на всевозможные анализы в управление геологии, они надеялись получить официальное подтверждение своим версиям. Но в лаборатории пробы затормаживались на месяцы. Случается, что площадь отработана, геологи снялись с нее, и только тут начинают поступать результаты.

Подошел черед Малышева. Получив радиограмму, что анализы готовы, он отправился во Фрунзе.

Здесь окончательно прояснилось, каково содержание олова, вольфрама и других ценных металлов в залегающих породах той зоны, которая очерчена отрядом.

Малышев проставил результаты на карту. Теперь она «заиграла». По плану его отряд должен был нынче переходить на другую территорию, но раз уж появилась зацепка...

Ему следовало немедленно доложить обо всем главному геологу управления. Но он не решался. Привыкший к горам, с их сложностями и опасностями, он робел, терялся в просторных кабинетах, среди полированных столов, кресел. Владельцы таких кабинетов представлялись ему слишком сухими, замкнутыми людьми, с которыми каши не сваришь.

Был у него в управлении хороший товарищ, опытный геолог Дмитрий Николаевич Илютин. К нему он и обратился:

— Дмитрий Николаевич, колоссальный район,—расстелил перед ним карту, показал, где, какие сосредоточены минералы.— Доложи, пожалуйста, главному геологу. Я что-то побаиваюсь.

Илютин внимательно посмотрел карту, образцы. Район ему понравился. Предложил:

— Пойдем вместе.

Малышев покачал головой:

— Сходи сам.

— Ладно. Сейчас я не стану его отвлекать. Вечером по-соседски на чашку чая зайду, там и обговорим. Ты только не переживай, все будет нормально.

— А я и не переживаю.

А сам волновался, как юноша, сдавший сложнейший экзамен, но еще не знающий, какую оценку ему поставят. Все-таки много труда вложено в районы Инылычека и Сарыджаза.

То время запечатлено в его памяти, как кадры старой кинохроники: пусть поблекли отдельные эпизоды, зато острее стало волнение, которое подступает к горлу, едва начнешь ворошить прошлое.

Забросили их, как десантников: чтобы готовить атаку. Был декабрь. Ели по саям утопали в снегу. А перед ними стояла жесткая задача — укрепиться! Пусть еще нет оборудования. Только кирки и лопаты. Пусть не хватает рабочих. Пусть дорога такая, что называется дорогой лишь условно. Какое это имеет значение? Никто и не рассчитывал на коттеджи да хвойные ванны перед сном.

В пятидесятиградусный мороз они долбили землянки, устанавливали рацию и вели одновременно обнажение коренных пород. Все теми же кирками и лопатами. А отличный парень радист Альберт Штоппель бомбардировал эфир:

«Высылайте пневматические молотки».

«Необходим материал для подвесной трассы».

«Срочно ждем пополнение».

Воды в лагере не было. Ни умыться, ни приготовить еду. Река за несколько километров. Тогда решили: каждый, возвращаясь из маршрута, должен приносить полный рюкзак льда. Если, конечно, не наткнется на что-

либо более значительное. С водной проблемой было покончено.

Продукты забрасывались вертолетом. Ближе к весне выручали и чабаны, поднимающиеся к ледниковому языку Инильчека. Выручали кумысом, мясом. Зато переправа отар через Сарыджаз никогда не обходилась без геологов. Погружаясь по грудь в ледяную воду, они помогали перетаскивать овец на другой берег.

— По-моему,— говорил тогда Альберт Штоппель,— мы здесь неплохо устроились, необходимость нашего дела граничит с нашей незаменимостью. Как ты думаешь?

— Угу,— соглашался Малышев, безуспешно пытаясь открыть плечом примерзшую дверь землянки.— Помоги-ка!

Вдвоем они кое-как открывали дверь и вываливались на снег.

Дома Малышев забывал о своих переживаниях. Дома они приглушались, отодвигались, уступая место детям, жене, с которыми он встречался так редко.

— Сфотографируйся с детьми,— говорила Аэлита Петровна.— Во всех порядочных семьях отцы каждый год фотографируются с детьми. А ты еще ни разу.

Он смотрел на своих повзрослевших детей — Сашу и Наташу, и чувствовал справедливость упрека.

— Сфотографируюсь,— говорил он.— Завтра же.

— И в школе хоть появись. Сашин классный руководитель уже спрашивала, есть ли у него отец или нет.

— Мама,— заступался сын,— ничего она такого не говорила.

— Не говорила, так думала. Сходи.

— Завтра схожу.

Аэлита Петровна задумывалась:

— Может в театр меня пригласишь? Тысячу лет не были.

Он улыбался:

— Для геологии тысяча лет — сущий пустяк.

— Так то для геологии...

— Хорошо, завтра возьму билет.

— Почему — все завтра и завтра? Не слишком ли много ты планируешь на один день?

— Видишь ли, Аля, дольше я наверное не задержусь. Обстановка так складывается.

— Ох, Малышев, Малышев,— говорила она слишком уж бодрым тоном,— будь в твоей власти, ты бы 8 Марта с Новым годом совместил, а нас со своим Сарыджазом... Впрочем, завтра так завтра.

На следующий день он первым делом пошел к Илютину.

— Ну, как?

— Ты знаешь, его это заинтересовало. Обещал сегодня сам к вам заглянуть.

— Не может быть!

— Точно.

В управлении для сарыджазцев была отведена комната, где они проводили свои камеральные работы.

Едва главный геолог переступил порог, перед ним разложили образцы, карту.

— Я все это уже видел,— сказал он.—Район хороший. Стоит там поработать. А вы-то сами,— он обращался прямо к Малышеву,— как считаете?

Малышев потер переносицу, словно собираясь с мыслями:

— Район действительно перспективный. Причем, я убежден, что со временем мы откроем еще более богатые залежи касситерита. Пока только поверхность прихвачена. Надо бы заняться поглубже.

— Занимайтесь. Кто ж вам мешает?



Сергей Степанович Малышев

— По плану отряду пора переключаться на другие территории.

— Ну, это не страшно. План и подкорректировать можно, если для пользы дела. Как там у вас с людьми, оборудованием?

— Терпимо.

Придирчиво осмотрев комнату, главный геолог сказал:

— Когда соберусь на Сарыджаз, заранее сообщу. Чтобы в горах такой же порядок навели,— и снова Малышеву: — Поезжайте. И постарайтесь не затягивать поиск.

Пока отряд Малышева разворачивался на Ташкоро, другая группа геологов под руководством начальника партии Леонида Никандровича Мозолева произвела съемку в районе озера Мерцбахера, у подножья Хан-Тенгри и пика Победы. Зацепки у них случались, но незначительные. Наконец, в верховьях Каинды они обнаружили полиметаллическую жилу.

Мозолев примчался в отряд:

— Давай, Серега, двигай туда со своими гвардейцами.

Малышев пригласил его в палатку, усадил, стал поить чаем. Думал, что разговоры о Ташкоро несколько смягчат намерения Мозолева. Но тот попил чай, отодвинул припасенную для гостей единственную пиалу. Сказал:

— Перебирайтесь к нам, на эту точку.

— Никандрович,— возразил Малышев, — нам необходимо здесь до конца сезона оставаться. Работы много. Со временем все равно туда поднимемся. Сейчас же выгодней понизу плацдарм создавать.

Мозолев поднялся, накинул штормовку.

— В общем, я тебе приказываю. Понял?

Тогда отряд имел всего двух лошадей. Завьючили их, поехали. Настроение было отвратительное. Виктор с Анатолием, не успевшие даже закончить очередной шурф, недовольно посматривали на Малышева. Напрасно он согласился. Это на него не похоже.

Когда добрались до участка, Малышеву стало ясно, что там и без них людей достаточно. Они взяли самый трудный объект и справились с ним за несколько дней. Не дожидаясь ни благодарности, ни указаний, где им дальше работать, они прямо ночью сели втроем на двух лошадей и уехали на Ташкоро.

Кстати, именно в тот раз Малышев и познакомился с молодым геологом Юрием Ильиным, который вскоре перейдет к нему в отряд, станет его помощником. Вместе они проработают года три, пока Юра не поступит учиться в институт.

Мозолев больше не настаивал на переброске отряда Малышева. Видимо, понял, что тот выбрал правильное направление. И все-таки при встрече сказал:

— Ночью, значит, укатил? Мог бы и разрешение у меня спросить. Не переломился бы.

— Зачем на отказ нарываться?

— Тоже верно,— усмехнулся Мозолев.

Собрав богатые материалы по Ташкоро, отряд развернул поиск в Лесистом сае. Размах солидный. В лаборатории управления пробы, присланные из Сарыджаза, анализировались вне всякой очереди.

Рос неподалеку от Лесистого сая и поселок разведчиков. То, что намечно поисковиками, они развивали дальше, чтобы месторождение представало объемно и реально, чтобы можно было вести речь не только о залежах олова, но и его конкретных запасах. Сарыджазская партия прочно становилась на ноги. Там же, в по-

селке, у нее появилась своя контора, где сосредоточился административный аппарат.

— Наступил решающий поворот в нашей жизни,— комментировал это событие Виктор.— Ритм города властно вторгается на заоблачные высоты.

— Почему ты так решил,— удивился Ильин.— Подумаешь, контора!

— Какой же ты наивный! Зарплату теперь обещают выдавать по графику. Ежемесячно, в определенные дни. Колоссальный сдвиг!

— Ясно.

— И начальство будет почаще наведываться. Стерильные ли у нас простыни? До блеска ли надраена посуда? Одной пиалой не обойдемся. Сервиз придется заказывать.

Уже второй час лил дождь. Парни сидели в палатке и от нечего делать говорили о пустяках. Сквозь шум дождя послышались шаги. Анатолий выглянул наружу.

— Вон, легок на помине.

— Кто?

— Виктор Ставинский... Уберите свой дурацкий оркестр,— замахал он руками, увидев, что ребята приготовили для встречи чашки, ложки и расчески.— Говорят, он этого терпеть не может.

Ставинский был высок, строен и очень молод для главного геолога партии: всего несколько лет назад он окончил институт. Однако и за эти несколько лет, поработав в ряде партий Киргизии, он заслужил репутацию энергичного, толкового специалиста. А такие люди нужны везде.

Сюда, в высокогорную Сарыджазскую партию, специалисты обычно едут лишь при условии, что им во Фрунзе гарантируется квартира. Человек иного склада, Ставинский не нуждался ни в каких гарантиях, кроме

одной — заниматься разведывательными работами соответственно своему чутью, знаниям, заниматься самоотверженно и требовать этой самоотверженности от других.

— Ну и погодка,— сказал Ставинский, счищая у входа комья глины с ботинок.— По полпуда на каждой ноге принес.— Потом он выжал штормовку, уселся на подставленный табурет и только тут заметил, что Малышева в палатке нет.— А где Сергей Степанович?

Ильин сказал, что Малышев еще не вернулся из маршрута. Вот-вот должен подойти. На тонком, красивом лице Ставинского лишь слегка дрогнули брови. Больше он ничем не выдал своего удивления. Хотя странным ему показалось, что в такой дождь кто-то еще, помимо него самого, поглощен делом. Это было и приятно, и вместе с тем покалывало самолюбие: он привык сам задавать тон во всем.

Поинтересовался, как идет поиск. Ильин подробно обрисовал положение, не скрывая отдельных промахов, неудач.

— А по-твоему стоит продолжать здесь работы? — спросил Ставинский.

Ильин пожал плечами. Что за вопрос? Конечно, стоит. И сомневаться нечего. Посидев еще с полчаса, Ставинский поднялся. Ему надо было поспеть на штольню, проконтролировать подачу воды в забое. Попросил передать Малышеву, что ждет его завтра.

Когда Ставинский ушел, парни задумались, что значит этот визит? Уж не собираются ли подбросить сюда людей из поселка? Тогда отряд, быстро разделавшись с шурфами, передаст площади разведчикам, а сам перейдет на новые.

Иначе воспринял их сообщение Малышев. Опыт подсказывал ему, что тут кроется что-то неладное. Выслу-

шав ребят с обычной безмятежной улыбкой, он сослался на усталость и лег спать. А в голове теснились мысли — одна мрачней другой. Если Ставинский спрашивает, имеет ли смысл обследовать Лесистый сай, значит у него зародились сомнения. Каков же повод? В чем его упущения? Он снова и снова анализировал ход работ и не находил таких погрешностей, из-за которых могло возникнуть недоверие к Лесистому.

Деревянные домики поселка темнеют на покатном дне котловины в окружении снежных хребтов. В самом центре домик покрупнее. Это и есть контора. А чуть дальше— сверкающие, как снег, кварцевые эстакады, образованные при проходке штолен.

Ставинский ждал Малышева. Поздоровался, сказал:

— Проходи, Сергей. Поговорить надо.

— Что же, я готов. Только о чем? О нуждах отряда? Так я тебе в письменном виде представлял!

Ставинский слегка поморщился:

— Все это мне известно. Дело серьезнее. Придется закругляться с Лесистым. Он не оправдывает себя. Найдем для твоего отряда более достойное применение.

— Но — почему?

— А разве ты сам не догадываешься?

— Если бы догадывался, давно бы взялся за другую территорию.

— Вот и берись!

— Но ты, Виктор, сначала ответь — почему?

— Есть у нас такое мнение. Слишком затянулись работы. А результаты мизерные. Посмотри, как легко ты раскрутился на Ташкоро и Трудовом. И в сроки уложился, и материал дал такой, что любо им заниматься. А здесь не получается. Вовремя понять и отступить — самый разумный выход.

— Слушай, не морочь ты мне голову,— Малышев

встал, оперся руками о край стола.— Если утверждаешь, что Лесистый беден касситеритом, то докажи. Докажи — и я соглашусь.

— Но ведь и ты сейчас не можешь доказать обратное!

Малышев вздохнул:

— К сожалению, ты прав. Мы еще не добрались до сути. Глубоко запрятаны жилы. Но мы доберемся, точно говорю.

— Когда? Через сезон или два?

— Теперь уже скоро. Все показатели говорят за это.

— Брать в расчет домыслы можно лишь на первой стадии поиска, но теперь...

Ставинский давал понять, что он сожалеет, но бессилен чем-либо ему помочь.

— И все же я не вижу необходимости закрывать участок,— сказал Малышев. И предложил: — Давай пробурим скважину. Положение для тебя сразу прояснится.

— Мне и без того все ясно,— голос Ставинского стал тверже. — Никто на лишние расходы не пойдет. Короче, Сергей, на Лесистом ставим точку.

В горах слухи тоже имеют ноги. Парни узнали обо всем еще до возвращения Малышева из поселка. И когда он вернулся, палатки уже были свернуты, оборудование подготовлено к переезду.

— Что все это значит? — спросил он так, как будто ничего и не случилось.

— Но, Сергей Степанович...

— Придется вам устанавливать все заново.

Попросил Ильина:

— Юра, надо подобрать образцы за последний месяц. Еще раз проследим, нарастает ли в них содержание касситерита.

Разложили образцы по порядку. Просмотрели. С увеличением глубины содержание руды увеличивалось.

Малышев успокоился. Значит, он прав. Отряд остается в Лесистом.

Из поселка пришли к ним Альберт Штоппель и Юрий Нечаев.

— Пока вы тут, поблизости, компанию хоть организуем. Собирайтесь на охоту.

Приглашение было соблазнительным. Продукты на исходе. Да и страсть у них, Малышева и Ильина, к охоте. Рюкзак, ружье и патронташ всегда под рукой. Так что долго упрашивать их не пришлось. Вчетвером они отправились в верховья Сарыджаза.

Полазив по кручам, напали на стадо козлов. Запас продовольствия был пополнен. Повернули назад. Но Юра Нечаев, охваченный охотничьим азартом, решил еще побродить по скалам. Напрасно Малышев отговаривал его от этой затеи. Азарт оказался сильнее всяких доводов.

— Я вас догоню,— пообещал Юра, сворачивая с тропинки.

Но наступил вечер, а его не было. Парни приуныли. Похлебав суп, разбрелись по углам. Скрипят раскладушки. Попыхивают сигареты. Порой кто-нибудь из парней, взяв ружье, выходит из палатки. Раздается выстрел. Эхо еще долго расталкивает стены ущелья. Потом, обессилев, затихает. А в ответ — тяжелая тьма.

Все знают, насколько опасно в горах. И молчат... Что могло произойти с Юркой?

Едва наметился рассвет, как Малышев, Ильин и Штоппель уже вышли на поиски. У того места, где Нечаев свернул в сторону, они разошлись. Каждый двигался по своему направлению, но так, чтобы не терять друг друга из вида.

А с Нечаевым произошел редчайший случай.

Несколько бесплодных выстрелов охладили его пыл. За товарищами уже не угнаться. Чтобы к вечеру попасть в лагерь, он решил пересечь гранитные кручи по прямой, значительно левей тропинки.

Услышав шорох, Нечаев резко повернулся. Прямо над ним на скале — громадный барс. Напружинившись, он приготовился к прыжку. Но Юрий опередил его. Через мгновение барс корчился, зализывая рану. А Юрий спешно перетряхивал патронташ и карманы. Он-то понимал, что если рана пустяковая, то разъяренный барс сейчас бросится на него.

Больше патронов не было. Тогда Юрий стремительно, как диктовала опасность, вскарабкался на самую верхушку скалы. Ему не раз приходилось слышать, что барсы нападают только сверху. Действительно, барс не стал подниматься к нему.

Узкая крутобокая скала. На ней двое — Нечаев и громадный барс, который, казалось, не обращает внимания на рану. Разлегся посередине, загородив собой спуск.

Юрий присел на холодный обломок гранита. Быстро темнело. С ледника подул холодный ветер. Против него спортивный костюм и куртка были беспомощны.

Иногда доносились выстрелы. Ребята беспокоятся о нем. Но что толку? Сам-то он подать сигнала не может.

В двенадцать часов ночи Нечаев снял сапоги и развел из них маленький костер. Ноги засунул в рюкзак.

А мороз все усиливался. Жечь больше было нечего. Юрий с ненавистью поглядывал на барса, спокойно разлегшегося в нескольких метрах от него.

К утру Юрий почувствовал, что замерзает. Трудно было пошевелиться.

Ждать нечего. Барс не уйдет. Впрочем, еще часок, и

вряд ли понадобится, чтобы он уходил. Уже никакие растирания не спасут.

Юрий поднялся. Босые ноги липли к граниту. Один шаг, второй. Барс дремал, положив морду на раненую лапу. Еще один шаг. Юрий замахнулся ружьем. Но тут барс очнулся, зло полыхнул зрачками и... попятился назад, не ожидая, видимо, от человека такой смелости. Барс пятился. А пятиться на узкой скале было нельзя. Секунда — и он скрылся в туманной пасти обрыва.

Но Юрий даже не ощутил от этого радости. До отряда еще километров восемь, а он босиком, тело коченеет... Шаг, еще шаг...

— Юрка,— услышал он совсем близко.— Юрка-а!

Ильин и Малышев разом забрались на скалу. Вскоре подоспел и Альберт. Им удалось перенести быстро Нечаева в лагерь.

Было семь утра.

Едва улеглось волнение после этого случая, как Ставинский возобновил разговор о закрытии участка. В еще более категоричном тоне. Возражения Малышева, новые данные в пользу месторождения на него не действовали. Он был искренне уверен, что отряд работает вхолостую, что запасы касситерита там ничтожные. Целесообразней перебазировать отряд.

Малышев настаивал на своем.

Ставинский — на своем.

Один исходил из богатого практического опыта, позволяющего порой соединять те звенья поиска, которые теоретически несоединимы.

Другой — из анализа общей обстановки, подкрепленного глубокими знаниями теории.

Как бы там ни было, каждый из них решительно отстаивал свои позиции, не идя ни на какие компромиссы.

— Зря ты кипятишься, Сергей,— говорил Ставин-

ский.— Никто не умаляет твоих заслуг. Но Лесистый...

— Не трожь его,— еще больше вскипал Малышев.— Мы на Лесистый столько труда положили, что стал он нам дороже и Ташкоро, и Трудового. Не будет по-твоему!

— Будет!

— А я говорю — нет!

— Посмотрим!

— Ну, хорошо,— Малышев уставал от этих споров.— Если ты мне не веришь, создай комиссию. Пусть она разберется, определит, как быть с Лесистым.

— Можно и комиссию,— соглашался Ставинский.— Чтобы до тебя, наконец, дошло, насколько нелепы твои предположения.

Создали комиссию. Побывав на месте, изучив представленные Малышевым материалы, геологи пришли к выводу, что район перспективен, что на нем следует продолжать изыскательские работы. Правда, рудные жилы находятся здесь далеко от поверхности, труднодостижимы обычными методами, однако наличие в них высокого процента касситерита несомненно.

Заключение комиссии не поколебало отношения Ставинского к этому месторождению. Постепенно его точку зрения стал разделять начальник Сарыджазской геологической экспедиции Кузнецов.

Участок лихорадило. То закрывай, то открывай — какая уж тут работа. Парни ходили подавленные. Не знали — вести ли им проходку штольни или сворачивать палатки.

— Я же говорил — с конторой не соскучишься,— усмехался Виктор.— Ритмичность производства так налажена, что сегодня неизвестно, чем займешься завтра.

Долго Малышев ломал голову, прежде чем созрело решение: рассказать о сложившейся ситуации начальнику управления. Огромные кабинеты и полированная ме-

бель его уже не пугали. Ради Лесистого он готов хоть к министру.

Однако в приемной он всячески себя подбадривал, настраивал на боевой лад, придумывая фразы позадиристей. Ему казалось, что малейшая оплошность, неточность выражения повлияют на судьбу участка.

— А, Малышев, входи, входи,— встретил его начальник управления, тот самый, который в свое время, работая главным геологом, благословил отряд Малышева на исследования Ташкоро и Трудового.— Выкладывай, что у тебя нового?

— Вы лучше скажите,— начал Малышев,— когда нам перестанут палки в колеса вставлять?

— Какие еще палки?

— А вы разве не знаете, что творится с Лесистым? Мне-то все равно, куда угодно могу уехать. Но зачем же рудой разбрасываться.

— Э, брат, а не загибаешь ли ты? Давай-ка без эмоций, по порядку.

Когда Малышев подробно описал ему, как складывается обстановка на участке, показал прихваченные с собой образцы, начальник нахмурился, забарабанил пальцами по столу.

Да, усложнили вы тут картину,— задумчиво произнес он,— усложнили. Но коль уж взялся ты за этот орешек, то разгрызи его до конца. И чтобы обязательно ядро в нем обнаружил. Понятно?

— Давно бы так,— улыбнулся Малышев.

На Сарыджазе он не стал особенно распространяться о своей поездке. Кому надо, тот сам узнает. Теперь уже от него ничего не зависело. Пусть события разворачиваются так, как им положено разворачиваться. Ставинский в то время куда-то уехал. Спокойно выслушав Кузнецова, предложившего немедленно перебрасывать отряд из

Лесистого сая, он пообещал, что к утру его распоряжение будет выполнено.

— Вот и отлично,— сказал Кузнецов.—Надоело сопротивляться?

— Надоело.

А утром, когда его парни вместе со всем снаряжением прибыли в поселок, из управления поступила радиограмма: «Срочно форсировать работы на участке Лесистый сай».

Еще не зная об этом, Малышев зашел в контору, сказал:

— Отряд уже здесь. Куда нам теперь ехать?

Кузнецов пристально посмотрел на него:

— Возвращайтесь назад, на свой участок. И учтите, спрашивать с вас будем жестко, без всяких скидок. Сами напросились.

— Ничего,— сказал Малышев,— мы выдержим.

С тех пор минуло несколько лет. Изменился масштаб и характер работ на этом участке. Могучие штольни пронзают окрестные склоны. Круглосуточно сюда подается электроэнергия, круглосуточно ведется проходка. Теперь уже совершенно очевидно, какими богатейшими залежами касситерита располагает Лесистый. Представить себе рудные запасы Сарыджаза без него никак нельзя.

А отряд поисковиков, сделав свое дело, продвинулся дальше, занялся обследованием других площадей. В нем тоже происходили изменения. Из прежнего состава остался один Малышев. Но задача перед отрядом стояла все та же—поиск все новых и новых запасов касситерита.

II

Малышев привык возвращаться в свой небольшой лагерь последним. Были тут всякие причины. Маршруты

он намечал и распределял сам, оставляя на свою долю самые трудоемкие. Пока пройдешь их да повернешь назад, товарищи отдохнуть успевают. И приятно было ему чувствовать, что его ждут, что без него ужинать не садятся, как приятно это чувствовать отцу семейства, который после трудов праведных возвращается домой, где все в сборе, где с его появлением накрывают на стол и заваривается спокойный и крепкий, как чай, разговор о прожитом дне.

Вряд ли он тешил таким образом свое самолюбие начальника отряда. Скорее всего хотел хоть частично восполнить те пробелы, которые возникают у каждого, кто живет вдали от своей семьи. Редкие наезды в город состояли только из встреч и проводов. Оглянуться не успел, как вырос, ушел служить в армию сын Александр, обзавелась своей семьей старшая дочь Наташа, подросла младшая — Ира. А он так и не испытал по-настоящему всего того, что испытывает отец, на глазах которого вырастают дети.

Спустившись в ущелье, он остановил своего Кристалла. Вблизи ручья зеленел островок высокогорной травы кобрезии. «Порционное блюдо в лошадином меню»,— подумал Малышев. Разнотравьем здесь не побалуешься. Стреноженный Кристалл утопил морду в кобрезии, и только уши, словно антенны подводной лодки, поплыли поверху.

В конце лета на Сарыджазе ясно и сухо. От земли тянет теплом. Расположившись на спальниках, вытащенных из палатки, ребята устроили шашечные баталии. Выигрывал обычно Федор — бородатый, с короткими, как у штангиста, руками. Победы настраивали его на философский лад.

— В шашках великодушие необходимо,—говорил он, подставляя пешку,— вот я тебе ее сам отдаю. Жертвую.

Если прозеваешь, подскажу. Бей, пожалуйста. Натура у меня широкая, щедрая.

Пашка брал одну и тут же терял четыре пешки.

— Великодушие — черта добродетели, а добрые деяния должны оплачиваться сторицей,— говорил Федор.

— Вот, черт, складно у тебя получается,— восхищался Пашка, потирая скулы, на которых еще недавно курчавилась борода. Более роскошная, чем у Федора. Тому это пришлось не по нраву. Он решил избавиться от конкурента. И предложил сыграть на бороду пятьдесят партий в шашки, дав фору десять из них. Пашка согласился. Теперь под бдительным присмотром Федора он каждое утро драил подбородок безопаской.

— Одаренность нуждается в индивидуальной оболочке,— изрекал Федор.— Надеюсь, мои способности не вызывают у тебя сомнений? Выгодней ведь считать, что проиграл гению, нежели бездарю.

Он умело лавировал. Опровергнуть его ничуть не легче, чем поразить быстро движущуюся мишень. Готовыми фразами он был нашпигован, как рулет чесноком.

— Тоже мне, философ,— Малышев, присев рядом, хлопнул Федора по плечу.

— А что? — Федор сделал вид, что не заметил иронии.— Вы знаете, как называл людей будущего Карл Маркс? Философами с руками рабочих! Или, может, для кирки и лопаты я слабоват?

— Руки у тебя подходящие. А вот философия набекрень. Ничего, выпрямим. Давайте-ка ужинать.

— Володя еще не подъехал.

— Как не подъехал? Странно...

В пять утра отправился Петров в маршрут. Обещал быть к обеду. Где же он пропадает?

— Нашли о ком беспокоиться. Заглянул на участок

к соседям, задержался. Дорогу сюда он с закрытыми глазами найдет.

Подождали еще. Ужинать сели затемно.

Петров вернулся усталый, свалил у входа рюкзак. И вместо обычного рассказа о маршруте протянул Малышеву пузырек. Внутри среди песка тускло и тяжело поблескивали крупинки.

— Где?

— Золотишко-то? По правому берегу. Рядом с мысом «Отдыха».

— Долго мыл?

— Какой там! Часа четыре.

— Чутье подсказало?

— Его Величество Случай помог.

Вдоль Сарыджаза немало остроугольных песчаных отмелей, глубоко врезавшихся в его бурлящие воды. Большей частью они голы, как колено. И только один заприметили геологи — поросший травой, деревьями. Удивительно поступает природа: одних обделяет по своему усмотрению, других награждает без меры, а в итоге — равновесие. Вот и мыс этот, который назвали мысом «Отдыха», так густо покрыт зеленью, что кажется, будто ее на все безжизненные окрестности могло бы хватить.

Проезжая в тех краях, Петров увидел неказистого мужичка с лотком. Попробовал было тот ускользнуть, да разве Петров упустит возможности выведать то, что ему пока неведомо. Пришлось мужичку рассказать, как промышлял он по побережью в поисках золота. Кое-что удавалось наскрести. В мизерных количествах. Старательский промысел нынче не в чести. Основательней бы копнуть.

— Это уж мы сделаем, будь спокоен, — пообещал Володя.

На следующее утро они двинули туда вчетвером. Тропа разворачивала их то вправо, то влево. Иногда впереди возникали снежные пики. Под лучами солнца они светились торжественно и ярко, точно купола церквей.

Какой бы благородный металл ни был, как ни сверкает потом он в витринах магазинов или в домашних секретерах, подступы к нему всегда начинаются с тяжелого дерзновенного труда.

После беглого наблюдения обнаружилось, что там распространены глинистые сланцы и песчаники. А именно эта однообразная формация сопровождается проявлениями золота.

Прежде всего Малышев прощупал участок шлихами. Через каждые двадцать пять метров. Породы промыли столько, что для целой горы впору, а результат — всего ничего.

— Если такими темпами и дальше пойдет, то в этой пятилетке я не женюсь,— грустно заключил Федор.

— Почему?

— На обручальное кольцо не наберу.

— Да,— Малышев достал из кармана кусочек сахара, положил в рот Кристаллу,— геофизика бы сюда. Подземный рельеф изучить надо.

— Считаешь, имеет смысл? Застолбим это место?— спросил Петров.

— Пожалуй.

Вскоре Малышев изложил свои соображения руководству экспедиции. Его предупредили, чтобы он рассчитывал главным образом на свои силы. Продолжая, естественно, прежние исследования оловянных и вольфрамовых месторождений.

Забот у отряда прибавилось. Трудно было предсказать сразу, как повернется дело, насколько целесообразно заниматься здесь детальным поиском золота. Процес

этот нередко ведется наощупь и напоминает поиск передач маломощной радиостанции без определенных сведений о том, на каких волнах и диапазонах она работает. Можно до умопомрачения крутить ручку настройки приемника, но так и не услышать искомых позывных.

Петров ждал, когда Малышев расшевелится, с присущей ему настырностью возьмется за этот участок. «Какой я специалист по золоту? Никакой»,— сокрушался тот, а сам исподволь готовился к тому, чтобы вывести ценный металл из подземных кладовых на свет божий. Потому что имел твердое убеждение: в любой отрасли, по любому металлу можно многого достичь, если дотошным быть, с головой уходить в работу. Он зачастил в город, перевернул всю библиотеку управления геологии, беря на заметку наиболее подходящие статьи из газет и журналов. Когда у него образовался некоторый запас сведений о добыче золота, он стал приобщать к ним своего помощника Петрова.

В то время рабочие Федор и Паша, закончив рытье очередной канавы, взяли недельный отгул. У них была договоренность поохотиться вместе, но неожиданно Федор изменил намерение.

— Поеду в Пржевальск,— объявил он.— Страсть как люблю достопримечательности портовых городов. А этот особенно. Рыбаков мало, зато рыбачек столько, что на любом углу в невод угодить можно.

— Ладно, и я с тобой,— Пашка грезил охотой, но за компанию готов был пойти на жертву.

Малышеву идея понравилась. Уж больно неуклюж этот Пашка. Пусть хоть чуть-чуть обтешется. Вырос он в какой-то глухой деревушке под Оренбургом. Сюда приехал по вызову старшего брата, а того уж и след простыл. Остался подзаработать.

— Дуйте вместе,— поддержал он.— Федор тебя в музей сводит, городским манерам обучит.

— Обучишь его, косолапого. Наверное и рубашки-то у него приличной нет.

— Чепуха, я свою выделю.

Федор помялся, словно размышляя, как ему поступить в столь деликатном вопросе. Пашке бы он сразу отказал. Пусть себе шляется по горам да жарит шашлыки из зайчатины. А как быть теперь? Он уважал Малышева. Будучи человеком незаурядным, имеющим за плечами опыт и славу первооткрывателя, Сергей Степанович оставался для всех простым и понятным, как ясный день. Против такой вот ясности труднее всего позволить нечестный ход. Федор сказал:

— Вы уж извините, Сергей Степанович, я бы прихватил Пашку, но у меня там симпатия наклюнулась. Свадьба еще за высокими — высокими горами. И свидетель мне ни к чему.

— Ну какие тогда могут быть разговоры! Поезжай сам, а я постараюсь выбрать денек и сводить Пашу в свои заповедные места.

Федор помараковал над рюкзаком, на виду у всех уложил туда светло-серые брюки и бежевую сорочку, хранившуюся в целлофановом пакете, и отправился в сторону моста.

Что-то в его поведении показалось Малышеву подозрительным, но он не стал допытываться. Больше всего на свете он боится обидеть человека несправедливым замечанием, упреком. С презрением относится к тем, кто с видом благодетеля раздаривает советы на все случаи жизни. Действительность — превосходный фильтр. И если ты работаешь с кем-нибудь бок о бок и поступаешь во всем так, как велит твоя совесть, то и товарищ нау-

чится отличать черное от белого, шагнет следом за тобой.

Ему самому всю жизнь некогда было заниматься самокопанием, выяснять, почему он сделал так, а не эдак. Едва закончил школу, началась война. Сразу же, не дожидаясь призыва, упросил, чтобы направили его на летные курсы, которые красноречиво назывались краткосрочными. В восемнадцать лет Малышев уже повел свой пикирующий бомбардировщик на врага. Более семидесяти боевых вылетов на его счету. Бывал он и сбит, горел, выбрасывался с парашютом. Но всякий раз возвращался в строй.

Потом горы, геологические экспедиции. Что толкнуло его именно туда, он сам толком не знает. «Тянет в соседи к небу, там больше кислорода на мешок,— любит отшучиваться он.— А так — работа как работа». Не осталось, пожалуй, в Киргизии мест, куда бы не заносила его геологическая судьба, где бы не выведывал он у гор их тайны. Хочется ему сделать карту с отметками основных, пройденных им маршрутов, чтобы лампочки загорались там, где найдены им с товарищами залежи ценных минералов. Но руки все не доходят.

Впервые за двадцать шесть лет взял он минувшим летом отпуск. Да и то потому, что заболела жена. В редкие свободные часы вырывался в окрестные горы с младшей дочкой Иришкой. Она убегала вперед и возвращалась с пригоршней камней.

— Пап, а этот как называется?

— Гранит.

— А этот?

— Известняк.

— А они ценные? Можно, я их возьму?

— Что ж с тобой делать, бери.

Он улыбался, знал, что снова придется расчищать

домашнюю коллекцию минералов, потихоньку выбрасывая Иришкины «экземпляры». Так было в свое время и со старшими — Наташей и Александром.

Когда маршруты не слишком далеко забрасывают его от поселка экспедиции, он обычно заглядывает туда, чтобы держать руководство в курсе отрядных дел. Жители поселка сменяются часто. Но знакомых у Малышева не убавляется. Счастливое это качество — располагать к себе людей. Есть у Есенина строки: «Казаться улыбчивым и простым — самое высшее в мире искусство». Но наигранностью здесь ничего не добьешься,— а все зависит от того, какая душа у человека.

— Серега,— окликнули его и на этот раз, едва он спешился и привязал Кристалла у дома проходчиков.— Давненько у нас не бывал. Заходи, шахтерским чайком угостим.

Шамиль Максютов крепко стиснул руку, повлек за собой.

— На обратном пути, Шамиль. Хочу в контору заскочить. А то начальство разбежится.

— Подождем, как раз уха дозреет.

Малышев спросил:

— Где рыбачили?

— Неподалеку. Кстати, твоего паренька у мыса «Отдыха» видели.

— Пашку, что ли?

— Нет, другого. Бородатого. Только он нас не дождался. Когда мы спустились, исчез.

— Обознались наверное. Федор сейчас в Пржевальске лирику заворачивает.

— Все может быть. Значит, мы тебя ждем, да?

— Договорились.

В конторе ему сообщили приятную новость. К ним

направляется специалист по золоту. Пусть Малышев создаст ему условия, покажет участок, а уж он-то разберется что к чему. Работы надо форсировать. Иначе отчет повиснет в воздухе. И не войдет в финплан следующего года. Впрочем, с появлением специалиста это почти исключается.

Ставинский умел окружать сообщение ореолом значительности. Шагая по тесному кабинету, он искоса поглядывал на Малышева: достаточный ли эффект производят его слова. Будто в отряд приезжает по меньшей мере Нобелевский лауреат, которому определить, есть ли золото в Сарыджазе,— это все равно, что раз плюнуть.

Малышев оставался невозмутимым. Да и что ему, собственно, в пляс пускаться? Преждевременные восторги оборачиваются зачастую плачевно. Все определится в работе.

По-своему расценив его молчание, Ставинский остановился, спросил:

— Ну, как, Сергей, ты, наконец, доволен?

— Конечно. Поконкретней о специалисте — кто он, откуда?

— Приедет, узнаешь. Фамилия у него подходящая — Золотько, Сергей Иванович.

— Ух, ты, фамилия действительно в самый раз.

Когда Малышев рассказал об этом Петрову, тот обрадовался. Ему не терпелось поскорее заняться изучением этого участка. Вплотную, без всяких отклонений. Работать вразброс, ведя одновременно поиск и касситерита, и вольфрамита, и золота, он не мог. Да и те шаги, которые они пока делали, казались ему самодеятельностью. Все-таки у Малышева опыт в поиске многих других руд, но не золота. С ним он сталкивается впервые. И одной теоретической подготовкой тут не возь-

мешь. Что касается его самого, Петрова, то он считал, что осваивает лишь азы геологии.

Золотько они ждали со дня на день. Володя Петров, жаждущий увидеть специалиста, выскакивал из палатки, едва слышались чьи-нибудь приближающиеся шаги. Вполне возможно, что специалист по золоту даже снился ему.

В горах все происходит внезапно — гранитная глыба, тысячелетие дремавшая на макушке горы, вдруг срывается вниз; горная река нежданно-негаданно меняет русло; на облюбованной площадке для лагеря сель мгновенно сдвигает скальные выступы, как фигуры на шахматной доске; древняя, как динозавр, тропа, по которой хожено-перехожено чабанами и геологами, неожиданно исчезает под свежей осыпью.

Внезапность в характере гор. И тут ничего не поделаешь. К этому надо привыкать, если хочешь жить с горами в мире и согласии.

Уже многие дни стояла ясная безветренная погода. Даже легкая, как паутина, пелена облаков не скользила по небу. Но вот к вечеру из-за ближайшей вершины показалась туча. Мощная лавина дождя обрушилась на землю. Склоны гор были моментально рассечены мутными потоками, которые росли прямо на глазах, размывая и унося с собой все, что попадалось на пути,— камни, кустарник, обломки деревьев.

Малышеву оставался до палаток сущий пустяк. Километра три. Но лучше обычные тридцать, чем эти три. Ему пришлось вести Кристалла за собой, а тот упирался перед каждым потоком, рвал узду, недовольно уставясь своими глазищами в спину хозяина. Нелегко было Малышеву двигаться в эдаком хаосе, когда его верный помощник превратился в обузу.

А на центральной базе, где ливням и ураганам есть

на чем испытать свою мощь, случилось «ЧП». Пополз участок склона. Огромные валуны ринулись прямо на дизельную, что стоит у края поселка. Со всего разгона ударились о бревна. Раз, другой, третий. Заколыхались провода. Сверкнули искры. Еще чуть-чуть — и вся проводка полетит к чертям. Дома и штольни останутся без света.

Дизелист растерялся. Не знал, что предпринять. Каким-то чудом тут оказался Виктор Ставинский. Рванул рубильник вниз. В это время валуном опять садануло в стену. Провода от сотрясения скрестились, как шпаги. Но тока в них уже не было. И опасности тоже.

После, узнав об этом случае, Сергей скажет:

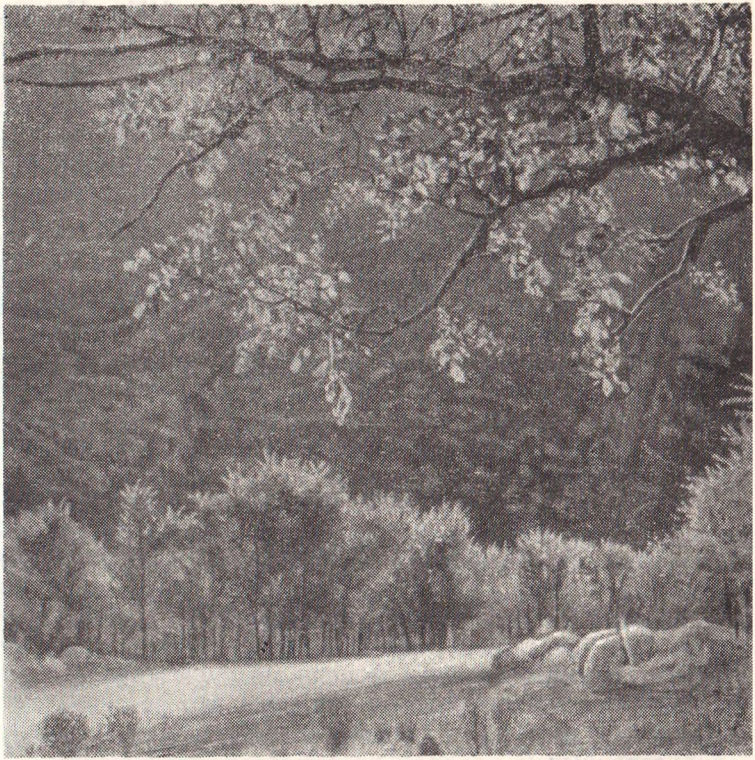
— Многие удивляются, что Виктор в двадцать восемь стал главным геологом партии. А ведь он не один рудник на ноги поставил. Умеет ориентироваться. Голова.

— Но у тебя же с ним столкновения были?— возразил Петров.— Если бы не твоя настырность, он бы похоронил месторождение в Лесистом. Я помню, как ты тогда возмущался. Или мнения у тебя меняются, как перчатки?

— При нынешнем дефиците на этот товар твои слова звучат комплиментом. А если по существу,— он задумался.— Видишь ли, геология пока что не столь точна как математика, и не столь проста, как организм одноклеточных.

— Загадками говоришь.

— Сегодня один прав, завтра — другой. Важно, чтоб оба за дело болели. Истина всегда перевесит. Конечно, я возмущался. Сколько нервов мне эти стычки стоили. Однако доказал? Доказал. Думаю, что теперь для Ставинского это не менее значительно, чем для меня.



Все дороги ведут в Сарыджаз.

И он рад моей победе. А потому удача у нас с ним — общая. Согласен?

Петров промолчал. Он соглашался с чужими идеями, выводами лишь после того, как проверял их на собственном опыте. Зато если уж они выдерживали проверку, то он оставался верен им до конца.

Когда Малышев подъехал к Хрустальному саю, ливень прекратился. Потоки, еще несколько минут назад бешено мчавшиеся по склону, обмелели, затихли. Кристалл зашагал смелее.

С противоположной стороны сая кто-то спускался. Сумерки размывали черты лица, но Малышев все-таки узнал Федора. Его взгляд геолога и охотника позволял определить любой предмет, любую вещь по едва приметным деталям. Однажды он выиграл спор, отличив на расстоянии пяти шагов кристалл касситерита от кристалла граната. Хотя внешне они как близнецы.

Удивило Малышева только то, что Федор шел не со стороны дороги, а со стороны мыса «Отдыха». Выходит, Шамиль Максютов видел именно его. Чем же он там занимался? Какой интерес ему было торчать в тех краях без ружья и рыболовных снастей? Неужели...

Федор тоже заметил Малышева еще до того, как сойтись с ним на одной тропе.

— Сергею Степановичу столичный привет!— крикнул он издали.

— Ты разве во Фрунзе успел побывать?

— Есть и у области своя столица — Пржевальск. От лучших его людей, передовиков труда и личной жизни, поклон вам!

— Что это еще за передовики личной жизни? Все фокусничаешь?— Малышев посмотрел на его заляпанную грязью одежду.

— Ничуть. Обычно людям желают успехов в труде и личной жизни. Так?

— Так.

— Отряд передовиков труда растет. Ну, а в личной жизни? Или тут не нужны передовики? Или их нет? Или они не совпадают с передовиками труда? Почему мы о них помалкиваем? Вот кем, на ваш взгляд, труд-

нее стать: хорошим токарем или образцовым семьянином?

— Да, скучновато ты провел неделю, если у тебя столько вопросов накопилось,— Малышев остановился подле палаток, разнуздал Кристалла.

Заслышав голоса, из палатки выглянул Володя Петров.

— А, это ты, Федор,— он был явно разочарован. Видно, надеялся, что приехал Золотько.— Снимайте мокрую одежду. Мы с Пашкой сушняка успели натаскать. Сейчас костер организуем.

Темнота наваливалась тяжелая, сырая. Ошарашенные ливнем, забились в кустах джерганака горные пичужки. Не нарушал тишину пересвист сурков, которые обошлись на сей раз без традиционных «посиделок». Все притаилось, умолкло. Только справа, где горловина сая выходит к Сарыджазу, накатывался неумолчный бас реки.

Разморенные усталостью и обильным чаем, геологи залегли в палатке. Сквозь приоткрытый полог Малышев видел квадрат прояснившегося неба с парящим созвездием Лебедя посередине. Он не очень-то разбирался в мерцающем царстве звезд. Их холодное величие навевало тоску по боевым товарищам, которые вылетали с ним бомбить врага да так и не вернулись назад. Сколько раз они, тогда еще совсем юнцы, совершали небесные экскурсии, лежа на траве своего маленького аэродрома. Как влекли их звездные миры! А потом взлеты, взлеты... Чаще всего без посадки.

Набежал ветер, накачивая палатку свежестью, запахом трав. Мысли путались, воспоминания надвигались друг на друга, как тени кружащихся птиц.

— Сергей Степанович,— услышал он шёпот.— Вы спите?

— А что такое?
— Посоветоваться надо.
— Давай утром. Ребят, чего доброго, разбудим.
— Я тихо...
— Спи, об этом можно и завтра рассказать.
— Так вы знаете?
— Угу.

Он лишь отдаленно догадывался, о чем хотел посоветоваться Федор. Но не мог позволить ему сделать признание втихомолку. Откровенность хороша, если она идет от души, а не под натиском обстоятельств.

Сон у Малышева надолго пропал. Все перебирал он, что известно ему о Федоре. Получалось—не густо. Окончил школу, поступал на филологический. «Завалил» свой любимый предмет — литературу. Родители настаивали, чтобы он посидел годик дома, позанимался. Но его это не устраивало. Определился на стройку. Поработал до весны. А весной укатил в Сарыджазскую экспедицию.

Вроде бы совсем не сложное дело — канавы бить. Орудуй себе киркой и лопатой на заданном отрезке. И все-таки среди канавщиков тоже выделяются смекалистые. У них не плывет грунт при первом же дождичке, не осыпаются борта, и сама канава вытягивается ровненько, как по линейке.

Таким вот канавщиком и был Федор. Он и Пашку учил разумному обращению с рельефом, хотя Пашка «канавил» на месяц больше.

Утро пришло чистое, освежающее, как вода в роднике. Вселив в людей легкость, энергию, оно задало тон наступившему дню. Сай ожил, загомонил. Выбравшись из палатки, парни поплескались в ручье. Сели завтракать.

Малышев сказал:

— У Федора появилось желание посвятить нас в свои тайны. Как, не возражаете?

— Ого?— удивился Володя Петров.— Только приехал и сразу исповедываться? Прямо, старик, как в священном писании: не тот лишается божьей милости, кто согрешил, а тот, кто не испросил прощения за грехи былые.

— Женился, да?— Пашка хохотнул и толкнул сидящего рядом с ним Федора в бок.— Какая хоть она — черненькая или рыженькая?

— Рыжая до умопомрачения. Из знатной семьи, так что будущее мое обеспечено... Еще, пожалуйста, вопросики,— несмотря на обычную игривую манеру разговора, ощущалась в Федоре какая-то напряженность.

Но Пашка ничего не замечал. Ни его напряженности, ни того, как переглянулись Малышев с Петровым, когда он заговорил. Пашка вообще перестраивался медленно, часто оказывался в положении рыбы, оставшейся на отмели после того, как вода в реке спала. Сидел и хлопал глазами, а если и вмешивался, то невпопад.

— Здорово тебе подвезло. Свадьба-то скоро? Привез бы сюда, познакомил. Или боишься, что мы отобьем?— тянул он свою лямку.

— Показать?

— Чего, фотографию?

— У меня все в натуре. Вот,— Федор быстрым движением расстегнул рубаху, сорвал привязанный шнурком к поясу мешочек и высыпал содержимое на стол. Желтые светящиеся кусочки, иные размером с наперсток, рассыпались полукругом.

— Поработал недельку,— продолжал он, как-то неестественно улыбаясь,— насобирал, сами видите. Не для себя одного, конечно. Места я разведал. Если возьмем-

ся вместе, куда больше найдем. Будем потом все сдавать, как полагается.

Петров хмыкнул:

— Ну и чудило ты. Это же...,— и смолк, почувствовав, как рука Малышева сдавила его колено.

— У самого какие планы? — спросил Сергей Степанович.

— Путешествовать хочу. Как Джон Ферфакс, который два океана, Атлантический и Тихий, прошел в открытой лодке на веслах. Только маршрут выберу другой, чтобы не повторяться.

— Зачем тебе это надо? — недоумевающе спросил Пашка.

Но его вопрос оставили без внимания.

Тогда он высказался о себе:

— Лично я бы в своей деревне шикарный дом поставил, на городской лад. Зажил бы припеваючи. И люди меня зауважали бы. Не дурак, мол, Пашка, ежели хоромы такие отгрохал.

— И все?

Пашка почесал затылок.

— Пианино бы купил.

— Ты что, играть собираешься?

— Нет,— Пашка замотал головой.— Чтобы дома культурно было.

Трудно понять, почему Малышев так поступил, скорее всего машинально, возмущенный и предложением Федора, и той чепухой, которую нес Пашка. Только он сильно и резко смахнул со стола поблескивающие кусочки, и они разлетелись в разные стороны.

С неожиданной для него прытью Пашка бросился собирать их. А Федор, озлившись, рванулся было к Малышеву, потом плюхнулся на место, залпом выпил кружку остывшего чая и как-то сразу сник, потускнел.

Смех, давно распиравший Петрова, вырвался наружу. Володя раскачивался из стороны в сторону и рокотал — безудержно, громко, так, что с ближней арчи сорок будто ветром сдуло. Глаза его, черные, удлиненного разреза, совсем сузились, и он то и дело вытирал их рукавом.

Этот смех слегка разрядил обстановку. Малышев перестал хмуриться, поднялся из-за стола. Остановился возле Федора. Тот сидел, обхватив голову руками и уткнув глаза в пустую кружку.

— Как же это ты, Федор? — спросил Малышев.— За такие намеки у нас не церемонятся. Тебя выручает, что зелен еще.

Федор глянул на него, проворчал:

— А расшвыряли все зачем? Тоже потому, что зелен? Я искал, искал...

— Да ведь не золото ты нашел. Пирит. Из него серную кислоту, серу и желтый купорос получают. И только.

— Как? Что вы говорите?

— А то!.. Обычный минерал преподнес с такой помпой, будто право на вечную жизнь,— Петров, насмеявшись вдоволь, стал серьезен.— Ты хоть присматривайся к нашим образцам, постепенно кое-чему научишься. В природе немало внешне похожих минералов.

— Если б столько золота на поверхности лежало,— сказал Малышев,— мы здесь, знаешь, какие бы развернули работы! Ценные металлы государству во как нужны. Это — и хлеб в неурожайный год, и любая другая поддержка. А ты — через океаны...

Они совсем забыли о Пашке. А он, закончив собирать воображаемые слитки, уже направлялся к ним.

Когда ему объяснили про заблуждение Федора, он ощетинился:

— Так я и поверил, что он ошибся. Разыграть нас хотел. Может, он и на мыс «Отдыха» забрел по ошибке?

Федор молча сносил упреки. Но когда Пашка заявил, что от него можно ожидать любого подвоха, что стоящее он мог припрятать, а ерунду показать для отвода глаз, Федор не сдержался:

— Еще попробуй чирикнуть, худо будет!

Пашка замолчал и принялся доедать свой завтрак. Остальные занялись подготовкой к работе. Малышев с Петровым укладывали снаряжение в рюкзаки, а Федор яростно точил лопату.

— Вот что, парни,— сказал Малышев.— Пойдете сегодня на прежний склон. Канаву придется малость расширить.

Кивнув, Федор направился вверх по саю. Следом за ним пошел Пашка.

Иной случай и событием не назовешь. Так себе, из разряда повседневных. А он возьмет да и повернет твоих товарищей той стороной, с которой ты и не представлял их. Высветит характеры, поможет узнать, кто на что способен. И рад, что так получилось, и вместе с тем осадок на душе остается, если кто-то окажется не таким, как ты предполагал.

Малышев шел по тропе, размышляя о случившемся и прикидывая, как могло бы получиться, выслушай он Федора ночью. Конечно, все сложилось бы куда проще. Не столь болезненно для него. Хотя попробуй определи, что благотворней на нем отразится. Но Пашка-то, Пашка! Как бросился он собирать кусочки пирита...

— Сергей Степанович,— услышал он голос Федора. — Подождите!

Малышев остановился, смотрел, как спускается Федор — напрямик, через колючий кустарник, который хлестал его по обнаженному, разгоряченному работой

телу. Красные полоски проступали сквозь плотный загар. Он подошел, потоптался, копнул землю носком ботинка. И, собравшись с духом, выпалил:

— Наверное мне лучше уехать? Вам после этого глядеть на меня противно.

Зрачки Малышева посветлели:

— Ерунду, братец, городишь. Теперь-то тебе и надо как раз остаться.

А вечером в отряд приехал Золотько. Среднего роста, сухощавый, с резко очерченным, волевым. лицом, он выглядел значительно моложе своих пятидесяти лет. Чувствовалось, что характер у Золотько был деятельный, общительный, что ему нравится, когда вокруг него все кипит, шумит, движется. Состояние покоя для такого человека столь же неподходяще, как для соловья безмолвие.

Едва познакомившись, он изложил свое кредо:

— Жизнь слишком стремительна, чтобы засиживаться над разгадкой ребусов и шарад, которыми мы сами себя окружаем. Мобильность — вот основа удачи. И если искать сарыджазское золото, то надо искать немедля, с ходу, без длительной осады, которая только снижает к нему интерес.

— Во, правильно! Что я говорил, а, Сергей Степанович? — Петров чувствовал себя на седьмом небе.— Сколько мы тут валандаемся, а никаких сдвигов. Иная нужна тактика, иная.

— Всякая тактика диктуется конкретной обстановкой,— возразил Малышев.— И я не уверен, что в данном случае все зависит от напора, натиска.

Золотько улыбнулся, широко развел руки, словно призывая всех быть свидетелями того, как он вынудит Малышева сдаться.

— Да ведь это, дорогой мой коллега, чистой воды

консерватизм,— сказал он.— Таким образом, ссылаясь на то, что условия не созрели, можно оправдывать любые промахи и недоделки. Срываются сроки сдачи объекта — условия не созрели. Урожай низкий — опять условия виноваты. Ничего не скажешь, позиция удобная.

— Прости, а что тебе условия наши уже известны? Участки обходил, облазил? Или на нюх полагаешься?

— Разумеется, нет,— смешался Золотько,— но я же только о принципе речь веду.

— По-моему, принципы вообще — это для кухонных разговоров. А у нас, как у строителей или земледельцев, они — суть дела. Реального, осязаемого. Вот когда изучишь обстановку, тогда и определим позиции.

Вроде бы точка была поставлена. Разговор перешел на другие темы. Но Малышев сомневался, что ему удалось переубедить Золотько. Вероятней всего тот ретировался из дипломатических соображений. Пройдет время, и это предположение Малышева подтвердится.

Он знает немало геологов, которые так и ушли на пенсию, не открыв какого-либо месторождения. Причин тому масса. И все-таки одну Малышев выделяет особо: торопливость в выводах, при подведении итогов. Даже когда еще не все уточнено, не все проверено как следует, когда есть над чем поразмыслить, к чему присмотреться, в чем разобраться всерьез.

Съемщики порой боятся заявлять даже о тех материалах, которые нашли. Почему? Потому что недостаточно изучили их, сами не представляют, целесообразно ли продолжать там исследовательские работы. За это, как за всякую недоработку, с них могут спросить. Так лучше и не заикаться о материалах. Сдается отчет, в котором обследованная площадь заключена, как кар-

тина в раму, в категорическое резюме: запасов полезных ископаемых не обнаружено.

И остаются минералы под землей. Надежно защищенные от следующих экспедиций не столько каменной толщей, сколько тоненьким отчетом, в котором черным по белому сказано, что здешние недра бесплодны.

Вот и выходит: и сам не стал автором месторождения, и для других на долгое время закрыл путь к нему. Площади в горах громадные. Через сколько лет геологи решат переисследовать то, на что махнули рукой сегодня? Вряд ли кто-нибудь упрекнет предшественников. Не нашли — значит, методы поиска тогда не позволяли, теперь они куда совершенней. Но сами-то они, предшественники, разве не казнят себя за промах? За то, что, снизив где-то требовательность к себе, подменив напряженную каждодневную работу спешкой, они надолго лишили заводы, фабрики ценного сырья? Разве спрячешься от таких мыслей?

Малышев уверен: в любом районе можно обнаружить какие-либо минералы. Копнуть только надо глубже. Не в том смысле — чтоб до земной оси. А в том, чтобы фундаментально, основательно, шаг за шагом превращая прогнозы в безукоризненные расчеты. Дотошность, проницательность он ставит в один ряд с профессиональной подготовкой геолога. И не мыслит их порознь.

Несколько дней они изучали мыс «Отдыха». Петров ловил каждое слово Золотько, ходил за ним по пятам. Да и Малышев проникся к нему симпатией: живо, заинтересованно тот взялся за дело.

— Люблю искать этот благородный металл,— сознавался Золотько.— Пятнадцать лет на приисках Колымы работал. Сколько золотишка я вот этими руками из-под земли вынес! Как детишек из горящего дома.

— Почему же из горящего?

— Планы нам такие спускались. Не успеешь один участок до донышка вычерпать, замедлил темп добычи, на другой перебрасывают. Или теряй часть золотых запасов, или работай, как на пожаре. Каждый выбирал по вкусу.

— Давно с приисками расстался?

— Лет десять уже.

— И с тех пор...

Золотько вздохнул:

— Больше не был. В институте экономики затормозился. Еле к вам сюда вырвался.

— Молодец, Сергей Иванович,— поддержал его Петров.— Бери наш участок на буксир.

— А что ты думаешь,— загорелся Золотько.— Скоро мы развернемся. Нечего волынку тянуть. Для меня важно знать, что оно будет, сарыджазское золото, все остальное само собой пойдет, заставим пойти.

— В том-то и дело — знать. Пока наши сведения расплывчаты. Или для тебя что-нибудь уже прояснилось? — спросил Малышев.

— Еще не совсем. Хотя здешний металл очень уж напоминает мне колымский. И поиск здесь надо строить так же, как и там.

— Вполне возможно,— согласился Малышев.

Он не располагал обширными наблюдениями по золоту, позволяющими сравнивать характеры месторождений. И допускал, что Золотько прав. Ему тоже случалось обнаруживать схожесть в расположении рудных тел касситерита на различных участках, и тогда он заранее представлял, как вести разработку, чем это для него обернется.

Во Фрунзе у Малышева накопились дела. Поиск касситерита шел своим чередом. Здесь, у мыса «Отды-

ха», Золотько и без него пока справится. Недельки две он мог спокойно поработать в лаборатории управления геологии, оценить, а если понадобится, и перепроверить сразу результаты анализа последних проб.

Подвернулась оказия: в город отправлялся экспедиционный «газик». Ехать на нем было куда приятнее, чем на бензовозах, ежедневно курсирующих с горючим между Пржевальском и поселком.

Молодой, но уже полноватый от сидячей шоферской жизни Степан Кузьмин обрадовался попутчику. Дорога дальняя, будет хоть с кем перемолвиться.

— Ищем, Сергей Степанович? — он лихо крутанул руль, обогнув скалу.

Малышев кивнул:

— Ищем. А что же нам еще делать?

— Получается?

— Всяко бывает. Но если б совсем не получалось, ты сюда бы не ездил.

— Это еще почему? — удивился Степан.

— Да кто же дорогу станет прокладывать в пустые горы? — Малышев крепко держался за поручни, чтобы не вылететь при резком повороте.— А раз проложили, значит хлеб свой едим не зря.

— Ага, понятно.

Водил машину Степан виртуозно. Не сбавляя скорости, он обходил бесчисленные выступы скал, которые вклинивались в дорогу. Но против чего даже Степан был бессилен, так это против кочек, ухабов и рытвин.

— Ты еще видел где-нибудь такую свистопляску?— он только на мгновение поворачивал лицо к Малышеву и тут же снова впивался глазами в шоссе.— Черта с два! А нам оплачивают за рейс, как по дороге третьего класса. Чуешь?

Чувствовать было что. Машину мотало, Малышев то и дело стукался головой о потолок кабины.

— Здесь же бездорожье,— говорил Степан,— а механик из управления побывал где-то возле Пржевальска и определил классность. Дескать, из соображений экономии. Вот и получается: хочешь заработать — гони во весь дух. Чтобы больше рейсов выжать. А кто от этого в накладе? Государство наше, вот кто. Посмотри, как машины калечатся. Ремонт за ремонтом, а там и — в утиль. Хотя пройдут половину того, что могли бы. Больно нам, понял?

Малышев усмехнулся:

— Больно? Тогда не гони.

— А жить-то как?

— Тогда гони.

Степан обескураженно замолк, пытаясь сообразить, куда гнет его попутчик.

А Малышев никуда не гнул. Просто он догадывался, что будет дальше. Дальше Степан вернется к механику, из-за которого якобы государство экономит на спичках, теряя полновесные рубли. А потом обобщит: пока такие вот заправляют у нас, ничего мы не достигнем.

Подобные обобщения раздражали Малышева. К чему раздувать любой факт бесхозяйственности до глобальных масштабов? К чему всякую аномалию выдавать за норму?

Что ж, обличать пороки вообще, показывать себя радетелем за всеобщее благо куда легче, чем схватить за горло один конкретный порок, помочь делом одному человеку.

Малышев спросил:

— Сам-то ты пробовал повлиять на механика? Классность дороги действительно менять надо.

— Он начальник. Как на него повлияешь? Рубани я сплеча, сходу вытурит.

— Так не пытался?

— Я и без того знаю.

— Эх ты!

Проскочив мост через грохочущий Сарыджаз, машина помчалась по самой кромке обрывистого берега, прижатая к нему ребристой каменной стеной. Чтобы хоть чуточку расширить дорогу, сюда иногда подгоняют бульдозеры, подрезают скалы. Но река снова подтачивает, подмывает берег, и когда он обваливается, глотает рыжеватые пласты породы. Пока борьба у них идет на равных — у бульдозеров и реки. Однако раздвигая свое русло, растекаясь по нему, Сарыджаз замедляет течение, постепенно слабеет, и скоро уже не сможет помешать людям сделать дорогу такой, какой они хотят.

Малышев сам неплохо водил машину, понимал в этом толк. Наблюдая за Степаном, он отмечал, насколько рискованно, с профессиональным блеском тот преодолевал на полной скорости жутковатые серпантины. Мастерство поневоле вызывает уважение. Вот только...

— Слушай,— предложил он,— механика своего пригласи в наши края. Любопытно же ему посмотреть, чем мы тут занимаемся. А по пути так его протряси, чтобы каждый ухаб, каждую выбоину прочувствовал.

Степан обрадовался:

— А что, и прокачу! Он у меня напляшется, недели две потом отхаживать придется.

Во Фрунзе Малышеву не работалось. Что-то его беспокоило, тянуло назад, хотя что именно, он не мог понять. Целыми днями он просиживал в кабинете управления, изучал анализы проб, знакомился с новой литературой. Но делал все это безучастно, поглощенный

мыслями о Сарыджазе. Аэлита Петровна, работающая здесь же, за столом напротив, не выдержала:

— Я прямо не узнаю тебя, Сергей. Словно наказание какое отбываешь.

Малышев молчал, уткнувшись в карту и разминая пальцами папиросу. Действительно, что его мучит? Разве не сам он рвался в город, разве здесь у него мало дел?

Резко прогудел паровоз: управление находится около вокзала. «Пассажирский отправляется»,— подумал Малышев.

— Что-нибудь случилось? — спросила жена.

Малышев пожал плечами:

— Не знаю.

— Ну тогда поезжай и узнай.

Он кивнул. Да, ему нужно возвращаться. Тем более, что основные материалы хоть и наспех, но просмотрены.

— Ты только не сердись, Аля. В следующий раз побуду дольше.

— Давай, давай, уговаривай,— вздохнула она.— Или думаешь, за двадцать пять лет я не привыкла к твоим побегам?.. Домой хоть зайдешь?

— Если успею. Пойду, выясню насчет транспорта,— сказал он, поднимаясь.

В саях, что прорезали горы по бокам Сарыджаза, уже пахло осенью. Не той пряной, настоенной на увядающих цветах, которая завораживает луга. И не той горьковатой от опавших листьев, которая приходит в лес. Сарыджазская осень рождала запахи неясные и грустные, как предчувствие утраты. Склоны, одетые бедно даже в летнюю пору, совсем оголились, стали коричневыми — как на географических картах.

Решив заглянуть на мыс «Отдыха», Малышев свернул с прямой тропы, ведущей к лагерю, на обходную.

Еще издали он увидел горки вынутой породы. «Так,— подумал он,— уже бьют шурфы. Торопится Золотько, торопится».

Первый, кого он встретил, был Федор. Как всегда раздетый, в одних шортах, на заднем кармане которых красовался скачущий ковбой. Федор крутил установленный над шурфом, как над колодцем, ворот, поднимал и опрокидывал рядом бадью с каменистым грунтом. Заметив Малышева, остановил ворот.

— Давно копаете? — спросил Малышев.

— Почти сразу же после вашего отъезда начали. Тяжело идет. А если вода появится, надолго увязнем.

Из горловины шурфа показалась рыжая Пашкина голова.

— Федор, что ты тянешь? Давай бадью.

— Подожди,— отмахнулся от него Федор.— А мы думали, Сергей Степанович, что вы еще на неделю задержитесь.

— Разве с вами спокойно погуляешь? — добродушно улыбнулся Малышев.— Скажи-ка, Золотько здесь?

Федор кивнул:

— Только сейчас к нам наведывался. Торопит, интересуется, когда добьем этот шурф.

Золотько на какое-то время даже растерялся, увидев Малышева.

— Сергей? Уже вернулся?

— Представь...

— Все нормально?

Малышев поскреб подбородок:

— Ты зачем шурфы стал шлепать? Или у тебя появились более веские основания считать, что тут есть золото? Тогда расскажи, порадуемся вместе. Каково содержание металла в породе?

— Особо интересных проб пока нет,— Золотько при-

шел в себя, заговорил с присущей ему уверенностью.— Будем рыть шурфы через каждые десять метров.

— А ты прикинул, во что это обойдется?

— Геология немыслима без риска. Рискуй и надейся — вот позывные нашей профессии. Бухгалтерией занимаются другие. Как только металл пойдет, все затраты окупятся, сколь велики бы они ни были. И задача у нас должна быть одна—скорее расставить точки в месторождении, хоть придется для этого перевернуть участок вверх дном. Важно зацепиться, дальше знай следи...

От дальнего шурфа подошел к ним Петров. Оперся на лопату, стал слушать.

Малышев говорил:

— Зацепиться мало, нужно основательно разведать участок, чтобы найти действительно что-то стоящее. Разве не может шурф наскочить на случайное гнездо с высоким содержанием? Может. Но какой толк? Здесь много, а вокруг ничего! Прежде чем задавать линию, тебе необходимо было продумать, где и как ее задавать. Смотри, все побережье Сарыджаза прорезается саями. Прорезается до самых коренных пород. Их и следует изучить. Есть ли там золото? Или нет? Сама природа постаралась для нас, рассекла саями отложения. Вот и воспользуйся, проверь сначала дешевыми методами.

— Мне кажется, Сергей Степанович прав,— задумчиво сказал Петров.— Мы еще не знаем источников золотоносности, поэтому и ведем разведку ощупью. Если мы пойдем по пути, который он предлагает, то будем искать металл там, где он наверняка должен быть. Во

всяком случае в десятки раз сократим затраты. Все-таки бить шурфы на такой высоте и тяжело и дорого.

Золотько поскучнел. Его запал иссяк. Прислонившись к стволу чудом выросшей здесь березы, медленно ронявшей золотую листву, он теребил поля своей выцветшей соломенной шляпы.

— Да ты не расстраивайся,— сказал Малышев,— начатые шурфы доведем до коренного дна. Глупо же их забрасывать. А новые, пожалуйста, без меня не задавай.

Перестав терзать шляпу, Золотько сказал:

— Понимаю, Сергей. Уж если мой единомышленник,— он глянул на Петрова,— из соображений экономии отказывается вести разведку глубокими шурфами, то я поднимаю руки. Хоть будь я на твоем месте, Сергей...

— Не надо,— прервал его Малышев.— Оставайся на своем.

И улыбнулся, и положил ему руку на плечо, словно боясь: не обиделся бы.

Вечера становились прохладней. На близком небе, что опустилось почти на самые макушки гор, звезды казались теперь ярче, крупнее. Сквозь уплотненный воздух осени они видятся, как сквозь увеличительное стекло.

После работы парни подолгу сидели у костра. Федор больше не играл в шашки со своим напарником. Минералы, их образование, свойства — вот что его интересовало, вот о чем он вел разговоры с Петровым. В нем что-то менялось, в Федоре. Как в стихах поэта, идущего от вычурности к ясности и простоте. Он даже бороду сбрил. И только белые следы на загорелом лице все еще напоминали о его склонности к «индивидуальной оболочке».

— Споем, братцы! — обычно первым нарушал молчание Золотько.— Ну, какую? — И, не дожидаясь ответа, начинал петь.

Иногда его поддерживали, иногда нет.

Наверное, чтобы быть запевалой, мало что-либо предлагать и начинать первому. Важно, чтобы предложение это было созвучно настроению, желанию твоих товарищей, чтобы исходило как бы от них самих. Бесполезна, а порой даже обременительна бьющая через край энергия человека, способного прислушиваться лишь к себе самому.

А петь в отряде Малышева всегда любили. И когда с ним работал Юра Ильин, и когда пришел сюда Володя Петров. Песни рождались сами собой. И, как люди, иные приживались, иные вскоре уходили из памяти, иные были хороши при вечернем костре, иные настраивали на рабочий лад. Готовясь бить шурфы, Федор чаще всего напевал в ритме марша:

Долбим мы породу,
Руду свою найдем.
Нас хлещет непогода
То ветром, то дождем.
Хочешь быть в почете,
Твори — на что горазд.
Бог придумал черта,
А люди — Сарыджаз.

Малышев посмеивался над ним, а сам не менее часто повторял: «Долбим мы породу, руду свою найдем...»

Все месторождения касиетерита, открытые поисковиками, постепенно передавались разведчикам. Маршруты Малышева удлинились. Он взялся обследовать урочище Кумар — дикое, нехоженное место, где хребты достигали пяти тысяч метров и выше. Один, или вместе с Петровым, он пропадал там по нескольку дней. Нако-

нец зона поиска стала определенней, ограниченная междуречьем Теректы и Карагайты.

— Знаешь, что меня только беспокоит? — признавался он Петрову.— От главной дороги далековато да и высота порядочная. Попробуй сюда технику затащить.

Петров возражал:

— По прямой до поселка километров тридцать, не больше. Раскроем, насколько богат этот район, тогда уж, будь уверен, и гидроэлектростанцию здесь поставят, если понадобится. Неужели ты сомневаешься?

Нет, Малышев не сомневался. Он помнил, как десять лет назад, в период зарождения сарыджазской партии, к отряду с трудом пробился главный геолог управления. Ни дорог, ни троп тогда не было. Еле-еле главного удалось провести через хребет. Очутившись у палаток, он высказался: «Забрались черт знает в какую глухомань. Да того, кто нашел тут руду, не премировать, а вешать надо!»

Теперь же на том месте построен поселок. Преображался он на глазах у Малышева — от палаток до вагончиков, от вагончиков до современных, со всеми удобствами домов. Только в его отряде ничего не изменялось. Потому что слишком часто они передвигались с одного места на другое, уходили вперед, перемещая свое снаряжение, наскоро оборудуя жилье.

Но вот странно, ни сам он, ни его товарищи не завидовали тем, кто оставался в поселке, в чьем распоряжении сейчас все блага цивилизации: электричество, паровое отопление, библиотека, школа, кинотеатр. Им нравилась походная жизнь, когда до пятисот километров в месяц выпадает на маршруты, когда зачастую работаешь там, где еще не ступала нога геолога.

Отряду везло на таких вот парней, готовых перене-

сти на спине тонны породы, трудиться на высотах и под землей, испытывать любые лишения ради того, чтобы прибавить хоть один новый штрих к портрету месторождения.

Если поиск касситерита проходил без особых отклонений, то на другом участке, где проводился поиск желтого металла дела обстояли далеко не блестяще. В шурфах появилась вода. Пришлось устанавливать насосы. И все-таки грунт подавался слабо. Едва наскребали на две—три пробы. Надежды таяли с каждым днем: лишь в некоторых пробах обнаружилось небольшое количество золотин, но и они были мелкими, а их содержание в породе — непромышленным.

— Подзалетели мы с этими шурфами,— сокрушался Петров, когда они возвращались из очередной поездки в урочище Кумар.— Хоть бы до коренных пород добраться.

— Доберемся,— успокаивал его Малышев. Он больше других видел, насколько шурфы запутали материалы первичных обследований. Однако упрекать в этом своих товарищей не хотел. Только когда сам человек способен осознать и казнить себя за сделанные им ошибки, можно надеяться на то, что они не повторятся.

— Слушай,— сказал Малышев, приостанавливая своего Кристалла.— Пройди-ка шлихами по соседнему саю. Не может быть, чтобы мы не напали на хвост серьезной россыпи.

— Попробую,— согласился Петров.

— Ставку делай на коренные породы, где много трещин. Там как раз и скапливаются редкоземельные элементы. Им уже некуда деваться. В этих трещинах они захоронены на всю геологическую эпоху. Если, конечно, мы их раньше оттуда не вызволим.

Петров привстал на стременах, делая вид, будто всматривается вдаль:

— Минералы ждут своих колумбов! — и, хлестнув коня, поскакал в сторону сая.

Неизвестно, ждали ли их минералы в тот вечер, а вот Золотько ждал с нетерпением. Засунув руки глубоко в карманы, он ходил вокруг костра, и пятна света выхватывали то резкий с горбинкой нос, то выпуклый лоб, то скулу, покрытую тонкой сетью морщин. Потребность высказываться была самой сильной его потребностью. Он больше мучился не тогда, когда что-то не получалось, а когда рассказать об этом было некому. Стоило же ему найти заинтересованного собеседника, передать ему все, что в нем накопилось, и он успокаивался.

— Кем угодно мог бы стать наш Сергей Иванович,— говорил о нем Петров,— но только не Робинзоном Крузо.

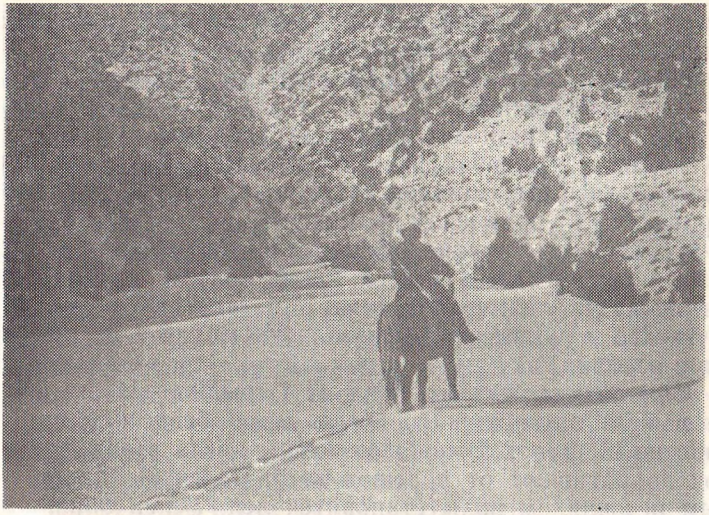
— И не инспектором уголовного розыска,— добавлял Федор.— Своими наблюдениями он поделился бы с первым встречным, хотя бы им оказался сам преступник.

Не успели Малышев и Петров спешиться, расседлать коней, как Золотько принялся во всех подробностях обрисовывать положение на участке.

— Поесть-то хоть дайте нам сначала,— взмолился Петров.— Голодные, как волки. Не щадите вы нас, Сергей Иванович.

Сидя на ящиках из-под яблок — яблоки привозили в отряд месяца два назад — и запивая чаем приготовленные наспех бутерброды, они слушали Золотько.

— Три шурфа сели на пустую породу,—говорил он,— копать дальше смысла нет. Будем надеяться на самый глубокий шурф. Но и его временно надо прикрыть.



Даже когда вокруг ложатся снега, поиск минералов не прекращается.

Сыро, стенки обваливаются. Всякое может случиться.

— Сколько там до плотика осталось? — спросил Малышев.

— Метра три.

— А пробы, говоришь, обнадеживающие?

— Да.

— Что же ты предлагаешь?

— У нас, на Колыме...

— Меня в данном случае Сарыджаз интересует.

— Меня тоже... Так вот, у нас, на Колыме, такие шурфы на зиму откладывали. Когда их схватит мороз,

стенки перестанут осыпаться, вода исчезнет. Здесь этот метод годится. Чтобы технику безопасности соблюсти. А пока я шлихами по саям пошарю.

Малышев посмотрел на Петрова:

— А твое мнение?

— Сергей Иванович рассуждает вполне логично.

— Но нас с тобой ждет камералка,— возразил Малышев.— Отчеты, анализы... Скоро выезжать придется. Проторчим в управлении до апреля.

— Послушайте,— не выдержал Золотько,— я что, зимы испугался? Да знаете, какие холода на Колыме? Птицы на лету замерзали, а мы работали.

— Но тут высота,— сказал Малышев.— А потому зима особая. Учти это.

Сам он лет семь зимовал на Сарыджазе и знал, что не всякий выдерживает, когда голое безлесное пространство вокруг сковывает морозом, когда стены времянок подрагивают от порывов ветра и когда единственным источником воды становится лед. Успей они получить более точные сведения о расположении золотоносных пород, Золотько тоже мог бы спуститься в город. Однако в нынешней обстановке такой вариант исключался.

Федор тоже решил остаться на зимовку. Правда, напарника ему нужно было найти: Пашка и слышать не хотел о том, чтобы зимовать на Сарыджазе. «Заработки тут хорошие,— говорил он.— Потеплеет, приеду. А теперь домой на отдых отправлюсь».

Вскоре уехали во Фрунзе и Малышев с Петровым. По дороге Малышев спрашивал водителя бензовоза, повысились ли у них расценки на этой ухабистой дороге. Водитель, настроенный прежде мрачновато, заулыбался, словно коснулись его любимой темы:

— Один наш товарищ постарался, устроил механику

управления такую здесь пляску, что тот еле очухался. На другой день еще хлопал глазами и удивлялся, как это мы столько рейсов ежемесячно даем... Классность дороги не изменилась, зато бульдозеров вон сколько нагнали, утюжат дорогу.

— Скажи,— спросил водитель,— а как вам, геологам, трудновато приходится? Мой сын школу заканчивает, тоже в геологи метит. Говорит, что вы до самых эдельвейсов поднимаетесь.

— Чаще эдельвейсы остаются внизу,— ответил Малышев.

Водитель недоверчиво покосился на него: разыгрывает или нет? В горах он очутился недавно и потому еще пользовался теми мерками, которыми пользуются живущие внизу. А внизу всегда считалось, что эдельвейсы растут на самых громадных высотах. Хотя их главный рубеж — три тысячи метров. Так что Малышев и не думал разыгрывать водителя.

Нынче геологи в покорении высот лишь слегка уступают альпинистам. Сколько раз Малышев добирался до шеститысячников. И не так просто, чтобы оглядеть сияющий мир с верхотуры. Возникала необходимость проверить версию: есть ли в этих районах выход рудного тела?

И все-таки сложность работы даже не в постоянном риске, не в таких вот несколько внешних столкновениях с горами. День за днем надо искать и искать то, что скрыто под многометровой каменной толщей и никогда не давало о себе знать. Не зря среди геологов бытует шутка: «Мы ищем то, что никто никогда не терял». Причем, открытие не происходит в какой-то один момент, как, скажем, открытие сто пятого элемента таблицы Менделеева, когда с криком: «Эврика!» можно бро-

саться в объятия товарищей и быть тут же возведенным в ранг Колумба.

О сарыджазском олове говорили еще до Малышева. И вскоре после того, как партия была образована, его отряд напал на след касситеритовых залежей. Но обошлось без сенсации. Появился лишь повод для укрепления материальной базы партии и усиления разведывательных работ. От Малышева требовалось — идти дальше, определять одну за другой зоны наиболее крупного сосредоточения касситерита. Только теперь вот, десять с лишним лет спустя, когда запас руды признан в основном достаточным, речь пошла о месторождении олова и его первооткрывателях. А из тех, с кем Малышев начинал, почти никого на Сарыджазе уже не осталось.

Но все это лишь самые общие черты профессии, которые вряд ли могут дать о ней живое представление. Кем бы человек ни работал, он прежде всего работает в коллективе. И оттого, какие сложились здесь взаимоотношения, как относится каждый к общему делу, во многом зависит настрой работы, той самой работы, благодаря которой нам открывается конкретное лицо профессии. Рассказывать о ней — значит рассказывать о жизни своего коллектива, о высоком призвании и нелегком будничном труде, о том, в чем его товарищи видят истинную красоту и как готовы расстаться с ней ради поиска новых месторождений.

Эдельвейсы остаются внизу, а путь сарыджазских геологов — вверх и вверх, туда, где голые скалы, где должна залегать большая руда.

— Привози своего сына летом,— сказал Малышев, прощаясь с водителем бензовоза,— пусть поработает в отряде. За каникулы, думаю, он разберется, с чем едят эту самую геологию.

— Можно и привезти,— согласился водитель,— ему не повредит.

Во Фрунзе Малышев сразу засел за отчет. Материалы полевого сезона и прогнозы на будущий нужно было уложить в стопку бумажных листов. Он приходил домой затемно, а чуть свет уже появлялся в управлении.

На Сарыджазе тем временем крепко закрутила зима. От Золотько полетели радиограммы: «Высылайте замену!»

Петров качал головой:

— Знать, проморозочку получил что надо!

Малышев задумался. Жаль, что поддался на уговоры Золотько, оставил его на участке. Но теперь задерживать его там бессмысленно.

— Придется тебе, Володя, ехать,— решил он.

Петров не возражал. Ехать так ехать. Сарыджаз стал для него той самой стихией, которая позволяла экспериментировать, проверять свои возможности. Как для слаломиста — крутой, обрывистый склон. Сумел по нему промчаться, выписывая зигзаги, значит можешь быть спокоен. С других склонов съедешь хоть с закрытыми глазами.

— Только потом я на несколько месяцев отключусь,— предупредил Петров, когда они, закончив работу, вышли на улицу.— Хочу со стороны посмотреть на все то, чем занимаюсь. Как там у поэта: «Остановиться, оглянуться, внезапно, вдруг, на вираже...» Бывает, что жизнь начинают заново.

— Не дури,— сказал Малышев,— все равно никуда ты теперь не денешься. Сколько ни крутись, выбор сделан. Вернешься.

— А ты слышал, что наш радист Альберт Штоппель собирается строить дом на берегу Иссык-Куля? Надо ему помочь. Покупаюсь хоть вдоволь.

— Вот это дело! Я тоже постараюсь найти время и помочь Альберту. А оглядываться, по-моему, лучше всего на ходу.

Петров посмотрел на Малышева. Иногда ему казалось, что суровый Сарыджаз не очень-то к нему суров. Незамутненная временем ясность в лице, радушие человека, который как бы приглашает вас жить на земле вместе с ним, пристальный и вместе с тем доверчивый взгляд. Вот только хохолок волос подвел — поседел сильно.

— Это я под цвет вершин подстраиваюсь,— смеется Малышев,— чтобы к минералам незаметней подбираться.

И он шагает дальше, чуть подавшись вперед, как будто и здесь, на столичном асфальте, одолевает подъем. Такая уж выработалась у него привычка.

«...И решение наших ученых было дерзким: следует в этой безжизненной, суровой, холодной, похожей на мертвый лик луны области поселить людей, таких людей, которые не побоятся ни разреженного воздуха, ни диких полярных морозов, ни физического одиночества, которые ничего не боятся и готовы самоотверженно отдать жизнь за каждое показание прибора...

На леднике Федченко надо построить постоянную научную обсерваторию, какие бы трудности ни пришлось для этого преодолеть!»

Павел Лукницкий.

Путь к обсерватории

По его исполинской спине, рассеченной моренами и трещинами, прошли альпинисты, ученые. Он нанесен на карты, втиснут в академические и прочие издания. Но от этого не присмирел он — ледник Федченко. Своенравен, крут, непокорен. Здесь зарождаются тучи, возникают ветры и снежные бури. Здесь громады льда борются с солнцем.

Постоянно следят за ледником и окружающей его атмосферой работники обсерватории имени Федченко — высочайшей в мире. Ведя наблюдения за погодой, они сами испытывают на себе ее жесткие тиски. Лишь к середине августа да в начале сентября они имеют возможность попасть на Большую землю или встретить гостей оттуда, принять пополнение, замену.

Начальником обсерватории на предстоящую зимовку был назначен Евгений Яннаев. Вместе с ним и радистом-метеорологом Тагаем Джумасалиевым я, журна-

лист, отправился на ледник. Там нас ждали те, кто уже целый год вел схватку со стихией, преодолевая тоску по людям, по событиям, происходящим на Большой земле.

Когда сквозь пургу и ледопады летят радиограммы, под ними ставится скромная и значительная подпись — «ледниковцы». И каждый понимает: эти радиограммы из обсерватории имени Федченко.

Первую, причем самую значительную по расстоянию часть пути к леднику — до таджикского городка Джиргатал — мы одолели без всяких затруднений. На этом регулярное авиасообщение ставило точку. Отсюда начинала действовать власть обстоятельств. И чем дальше, тем ощутимей. Наша задача состояла в том, чтобы принимать решения твердо, без колебаний, противопоставлять обстоятельствам свою волю.

Пока все зависело от вертолета. Сумеет ли он забросить нас не в Алтын-Мазар, а на песчаную площадку, что расположена у ледникового языка. Мы поглядывали на Женю Яннаева, как на более опытного товарища, а он — на пилотов. Те поначалу отказывались, ссылаясь на усталость и рискованность маршрута.

Перед этим Женя получил в Управлении «Гидроспецслужбы» установку: добраться до Алтын-Мазара, а дальше двигаться только с караваном. Но когда пойдет караван, никто в Управлении точно не знал. Вероятно — в сентябре. Если к тому времени «буйно помешанная» Муксу, главное русло которой смещается то в одну, то в другую сторону порой до полукилометра в сутки, успокоится и обмелеет. Знали просто, что без каравана путь опасен, всякое может случиться.

Женя решил по-своему. Зимовщики устали, их нужно сменить как можно скорее. И если мы долетим из Джиргатала прямиком до песчаной площадки, то, чтобы подняться к ним, будет достаточно двухдневного перехода.

— Ну что, ребята,— спрашивал Женя пилотов Черницына и Сачко,— полетим, а?

Другой бы на его месте шумел, многословил, чувствуя свою правоту, а он даже отступил чуточку в сторону, точно боясь «давить» на пилотов своим ростом. Застенчивый он парень, Женя Яннаев. Правда, вопрос свой он повторил несколько раз, тихо и настойчиво: «Полетим, а?»

— Честно говоря, не могу. Понимаешь, выдохся на сегодня. Налет часов полный... Да разве такому, как ты, откажешь? Ладно, полетим,— согласился Черницын.

Побросав рюкзаки в нутро вертолета, мы мгновенно приросли к сиденьям. Кроме нас, в вертолете была еще одна пассажирка — Аня Мальцева. Ей предстояло работать радисткой в Алтын-Мазаре. Черницын пообещал доставить ее в этот чудесный альпийский уголок после того, как высадит нас среди песка и голых скал.

Женя быстро нашел с Аней общий язык. Оказывается, оба они родом из-под Новосибирска, окончили одно и то же училище, только Женя — лет на десять раньше. Теперь он предсказывал, что ожидает ее на станции, объяснял, как ей лучше поступить в том или ином случае. Аня молча кивала: приму, дескать, к сведению. А глаза у нее грустные-грустные — все-таки первая зимовка на неизвестной станции, с неизвестными людьми.

Мне почему-то думается, что встреть я Женю в коридоре министерства или в каком-нибудь кабинете, непременно принял бы его за бухгалтера. Очки с толстыми стеклами, узковатые плечи и длинные худые руки, вечно шарящие по карманам в поисках сигарет и спичек, тут же связывают его с миром авансовых отчетов и ведомостей. Но чем дальше мы забираемся в горы, тем все больше отодвигается этот образ, сотканный из внешних черточек. Женя меняется прямо на глазах. В нем начи-

наешь ощущать сдержанную силу, хотя и не подкрепленную вроде бы мощью бицепсов. Он свободно манипулирует самым объемистым рюкзаком, набитым под завязку, и еще сожалеет, что не затолкал туда палатку. Ему нетерпится поскорее попасть на песчаную площадку, и он то и дело льнет к иллюминатору.

— Ты знаешь,— откровенничал он потом, у вечернего костра,— город как-то не по мне. Масштабы рассредоточивают, мешают цельности. Вот станция — это да! Тишина. Думай. Работай. Ходи, как Лев Толстой, босиком...

Его крестной была Мадрушкентская станция. Здесь он и познакомился со своей будущей женой Анной, выпускницей Рижского училища гидрометслужбы. С тех пор все десять зимовок, которые на его счету, Женя провел вместе с Анной. И на крохотной таежной станции, и на Хабурабадском перевале, где, кстати, родился его сын Сашка, и на Искандер-Куле.

Год назад Управление, пытаясь взять его в аппарат, выдало ему квартиру. Женя обрадовался. Хватит кочевать, старшей дочери в школу ходить пора. Но через месяц заскучал. Попросился в командировку. Потом еще и еще. Пока, наконец, на него не махнули рукой, определив на Федченко. Если, мол, и там не образумится, тогда ничего не поделаешь, знать на роду написано мотаться по станциям.

Только теперь он уехал без Анны.

— Первая холостяцкая зимовка и на такой высоте! — говорил он, и трудно понять, то ли шутит он, то ли всерьез огорчается.

Едва вертолет приземлился и мы выбрались из него, Черницын распорядился:

— Отчаливайте, а то ветром собьет.

Он спешил. В любой момент могла нагрянуть непогода.

Через несколько минут вертолет, развернувшись, пошел вдоль ущелья к Алтын-Мазару.

Песчаная площадка служит как бы привалочной базой для караванов, идущих на ледник из далекого Оша. Порой их ждут здесь и дополнительные вьюги, если вертолеты умудрятся забросить часть грузов прямо сюда.

Площадка эта сжата с двух сторон остроконечными грядами, а с третьей — ледником. Как в охотничьих домиках, затерянных в таежной глухомани, караванщики оставляют здесь все, что может понадобиться человеку: дрова, соль, топор, казан, всевозможные продукты.

Слежавшийся снег прильнул к подножью горы, возле которой мы остановились. Его и решено было превратить а чай. Этим занялся Женя. А мы с Тагаем забрались на выступ скалы, стали осматриваться.

Расположен ледник Федченко среди мощных хребтов северозападного Памира — наиболее высокогорной части нашей страны. Именно здесь находятся высочайшие горные вершины Советского Союза — пик имени Ленина и расположенный на стыке хребтов Академии наук и Петра Первого пик Коммунизма.

Открыт ледник В. Ф. Ошаниным в 1878 году, через пять лет после того, как сам Федченко, известный естествоиспытатель и путешественник, в честь которого он и был назван, погиб в Альпах.

Начинаясь у северных склонов Язгулемского хребта на высоте 6974 метра, ледник простирается на север до ущелья реки Баляндкиик, где и заканчивается у отметки 2904 метра, приняв в себя двадцать значительных притоков. Среди них — Бивачный, Наливкина, Академии наук, Витковского.

В тот вечер ледник Федченко не представлял собой

впечатляющего зрелища. Выглядел он довольно хмуро. Серая масса застывшей земли, валунов, зияющие ямы. Мы подошли к костру, почаевничали и спрятались в спальники. Перед сном я попытался было выведать у Жени, чем его привлекает жизнь зимовщика, какие вообще у него планы, связанные с пребыванием в обсерватории, однако он отделывался шуточками. Вроде:

— Воткнусь, как архар, рогами в ледник на годик, а там видно будет.

Повернулся на бок, замолк, дав мне понять, что вопрос исчерпан.

Что ж, может, и не стоит искать высоких мотивов? Просто — потребность у человека такая. А ее, как и музыку, разве растолкуешь словами? Впрочем, у меня еще было время уточнить кое-какие детали.

На следующий день мы поднялись затемно. На этом леднике никто из нас не бывал, в обсерватории — тем более. Знали по рассказам: вверх и вверх, около сорока километров, а там крутолобым мысом вклинится в ледник скала — ригель. Макушку его, словно тюбетейка, прикрывает здание станции.

Тропа, обнаруженная нами на краю площадки, была довольно путаная. Блуждая меж камней, прячась в расщелинах, она в конце концов исчезла под свежей осыпью. Рядом озеро. С темных, точно загорелых, многометровых льдин капает в него вода. «Чайхану бы на озерке открыть не мешало»,— заметил Женя, присаживаясь на берег. Он тоже не представлял, как мы будем продолжать путь. Но в теории был силен:

— Необходимо выйти на левую сторону ледника. Я уверен, там мы и тропу отыщем. Попробуем, парни, а?

У меня был рюкзак полегче, я отправился в разведку. Поверхность ледника напоминала бесчисленные гравийные карьеры. Образовались они от неравномерного

таяния льда, лежащего под наносами. Да и сам ледник движется со скоростью почти одного метра в сутки. Поэтому поверхность постоянно сжимается, расходится, трещит по швам.

Солнце окрепло. Слышно было, как где-то глубоко гремела река, иногда ручьи выплескивались наружу. Когда я пересек морену, лед посвежел. Наносы остались позади. Зато трещины — иные с ладонь, иные способные поглотить трактор, попадались на каждом шагу. Свет придавал вертикальным разрезам голубые и зеленоватые оттенки — в зависимости от глубины. А глубина некоторых из них достигала километра. Заглядывать туда, по правде говоря, особой охоты не было.

Преодолев в поисках тропы десяток трещин, я все-таки просчитался. Правая нога соскользнула, и я полетел вниз.

Падал недолго. Трещина почти у краев делала резкий изгиб, сужалась, и благодаря рюкзаку, торчащему за спиной, меня моментально заклинило. Приятно глотать воздух и щуриться от света после того, как удалось избежать челюстей ледника.

Подтянувшись на руках, я освободился из плена. Вспомнилось, как Алексей Павлович Федченко описывал переход через ледник Тарак: «Слово «тарак» означает — расческа, и ледник назван так по множеству трещин, через которые приходилось проходить. Для этого привязывают к телу длинную палку, чтобы, упавши в трещину, зацепиться за край и удержаться, пока не вытащат товарищи».

Способ простой, но верный. Жаль, что пришел он на память запоздало, когда уже воспользоваться им было нельзя: вокруг даже кустика не сыщешь.

Промахи, особенно такого вот рода, поучительней лекций. Теперь я ступал с образцовой медлительностью

и оглядкой. Однако тропа, в поисках которой я на время расстался с товарищами, словно сквозь лед провалилась.

Меня нагнали Женя с Тагаем.

— Удивительно,— сказал Женя, бегло осматриваясь, будто тысячу раз проходил здесь,— и куда только тропа подевалась.

— Обойдемся как-нибудь и без нее.

Подвигались вперед медленно, лавируя между моренами, обходя и перепрыгивая трещины. Женя был отменным ориентиром. Он сам сознавался, что видел всего трех человек равного с ним роста. Стоило кому-нибудь из нас отстать, он вскидывал голову, отчего очки его в старомодной оправе подскакивали чуть ли не до бровей,— и мы поторапливались.

На пятиминутных привалах Женя рассказывал, как это здорово, когда к зимовщикам поднимаются люди.

— Вот я сидел на Хабурабадском перевале. Заметет снег по самые уши. Уж до чего я вроде привык, а появится кто новый — плясать готов, как Пятница...

— Сколько сейчас ребят на станции?

— Двое. Виктор Рудюк и Саша Фомин. Остальные спустились месяц назад. Путевочки им в Управлении выдали — кому в Сочи, кому в Кисловодск. Берегут, заботой окружают. Заслужили, значит. А представь, какая теперь нагрузка на двоих. Подъем, парни, а?

Морены постепенно отступали к горам, и ущелье, заполненное ледником, било в глаза отраженным светом. Хотя снег не обновлялся дней пять, но сойти еще не успел, шагать по нему следовало осторожно: под ним затаились трещины. Попадались нам и колодцы — узкогорлые, с голубоватым стеклышком воды.

Женя двигался первым, прощупывая ледорубом коварный фирн. Мы старались идти точно след в след. И

все-таки растопленная солнцем желтоватая масса проникала в ботинки, хлюпала, требуя остановки. Можно было бы, конечно, переобуться, отдохнуть, но, охваченные азартом — вперед и вперед, мы продолжали свой марш-бросок. Ведь нас ждали зимовщики.

— Вон она, родная!— закричал вдруг Женя и ткнул ледорубом в пространство. За дальним изгибом ледника замаячил силуэт пика Коммунистической Академии. А перед ним — ригель, с темным пятном станции на макушке.

В горах глазомер подводит, расстояние скрадывается. Нам предстояла еще почти половина пути. Оценив обстановку, Женя предложил:

— А что если мы переночуем на какой-нибудь морене? Романтика, а, парни?

— В другой раз.

— Тогда что, двинули?

— Двинули.

По этому самому пути сорок лет назад транспортировалась станция. Строили ее в Ташкенте. С таким расчетом, чтобы в разобранном виде перевезти потом по железной дороге в Ош, а оттуда вьюками и на руках доставить за четыреста девяносто километров на ледник. Каждая деталь станции должна была весить не более сорока килограммов. Каждый гвоздь, каждый брусок, каждое крепление нужно было переправить через реки, тащить по леднику. Само здание весило четыре тонны. А приборы, запасы топлива и продовольствия на год — еще девяносто шесть тонн. Всего для перевозки грузов понадобилось свыше трех тысяч вьюков.

Двенадцать суток посланный для рекогносцировки отряд гляциологов под руководством Ивана Емельяновича Бойкова блуждал по ледяным лабиринтам. Ночевать приходилось на льду. Питались впроголодь. С ог-

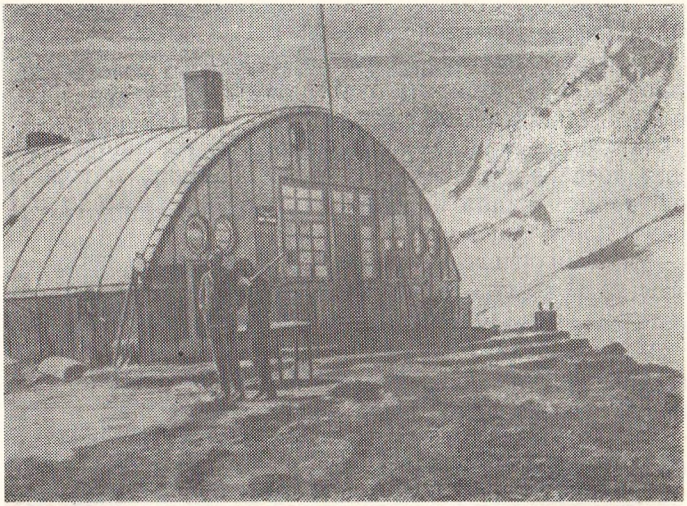
ромным трудом отряд добрался до ригеля, что поднимается над ледником метров на триста. Это было единственное место, которому едва ли угрожали лавины и камнепады, поскольку оно расположено достаточно далеко от склона вершины, возносящейся над левым бортом ледника.

Бойков принял решение строить обсерваторию именно здесь, на выступе ригеля, на высоте 4 300 метров над уровнем моря. Вскоре сюда направился из Алтын-Мазара первый большой караван — сто восемьдесят восемь верблюдов и шестьдесят лошадей. Через день с величайшими усилиями караван поднялся на ледник. Но оказалось, что верблюды идти по льду не могут. Они скользили и падали, калечили себе ноги на острых камнях морены. Их пришлось отправить назад, а груз переносить на себе.

Тот переход, на который когда-то затрачивалось несколько суток, мы думали завершить к ночи. Нам было несравнимо легче. Пусть не обозначены тропинки, пусть по-прежнему подстерегают нас колодцы и хищные трещины, мы знаем — впереди есть жилье, способное защитить от любой непогоды.

Высота сказывалась. Продвигаться стало тяжелей. Сбивалось дыхание, немели плечи. Но энтузиазм — великая штука. Участки, где по идее нужно было пробираться ползком, где шаткий наст таил опасность, мы брали с налета.

Загустел, потемнел воздух. Равномерно дул ветер с перевала Кашал-Аяк, заставляя втягивать шею в свитер, растирать озябшие руки. У подножья мыса, врезавшегося в ледник, мы сбросили рюкзаки. Подниматься с ними по крутому откосу уже не было сил. Да и куда они денутся за ночь? Разве что барс или кинуца захотят полакомиться?



Обсерватория имени Федченко.

Женя почувствовал, видимо, запах родного крова, под которым ему предстоит зимовать, и яростно потопал вверх. Угнаться за ним мы с Тагаем не могли. Спокойная тьма поглотила его. Нам приходилось карабкаться, не имея перед собой его направляющей фигуры. А к ней, признаться, мы привыкли за четырнадцатичасовой переход.

— Эгей!— раздалось сверху. И возле нас очутилось сразу человек пять. Это меня ошеломило. Я хорошо помнил, что на станции нас ждут всего два зимовщика. Может...

— Ребята,— опередил меня Тагай,— а это на самом деле станция или что-нибудь другое?

— Конечно, станция,— нам протянули фляжки с горячим чаем.— Пейте, помогает.

Отхлебнув несколько раз, мы согрелись. Даже неловко было спрашивать ребят, почему их так много и кто же здесь истинный хозяин.

Впрочем, скоро все прояснилось. В гостиной комнате Женя восседал на венском стуле, спинка которого в свое время пошла на растопку, и рассказывал о том, как мы добирались сюда.

— Познакомьтесь,— представил он нам ребят,— туристы из Ижевска и Москвы. Первые в этом году. Часа три назад пожаловали. Только по другому маршруту — со стороны Хорога. А это,— он кивнул в сторону тех, кто отпаивал нас чаем,— Виктор Рудюк и Саша Фомин, зимовщики.

Свет в гостиной был жидковатый. Лампочка, что употребляется обычно в фарах автомобилей, желтой электрокаплей свисала над столом. Я пригляделся к Саше и Виктору. Голоса, лица были разные. И все же улавливалась в них какая-то схожесть в манере говорить, слушать, выражать свое отношение к происходящему. Интересно, что потом я видел фотографию: они только прибыли на станцию, и ничего подобного не обнаружил. Совместная зимовка оттачивает, подгоняет друг к другу, как ключ к замку, не только характеры, но и чисто внешние детали в облике людей.

Туристы перебрались в соседнюю комнату — кто спать, кто слушать репортаж о футбольном матче, а я, тем временем, хотел пораспросить парней о долгих месяцах, проведенных вдали от Большой земли.

— Да ты что? Так не пойдет. Сначала в баню сходи. Саша,— обратился Виктор к товарищу,— вода там еще есть?

— Сколько угодно.

— Баня у нас рядом, через дверь. А потом за стол. Ужинать будем.

Баня была величайшим творением зимовщиков. Недаром туристы посвящали ей свои песни. После нее мы чувствовали себя, как новорожденные. Саша ушел в радиорубку, и к нам доносились звуки морзянки, а Виктор, начальник минувшей зимовки, положив на колени гитару, говорил о рабочем графике:

— Восемь раз в сутки мы выходим в эфир. Передаем сводки — направление и скорость ветра, температуру, видимость, атмосферное давление, влажность, результаты снегомерных съемок. Короче — весь комплекс...

— Виктор,— ворвался Саша, размахивая листком бумаги,— тебе радиограмма — во, закачаешься! Пляши!

Но Виктор уловил подвох. И плясать не стал. В его глазах, под длинными, широковатыми бровями, мелькнула усмешка.

— Центральная, что ли?

— Ага.

— Наложила вето?

— Точно. И не дрогнула.

Я заметил, что разговаривают они друг с другом короткими фразами, по выражению лица, по интонации сразу же догадываются о том, что происходит или может произойти.

Виктор касается струн, подбирает какую-то мелодию, вслушивается в нее, как в шорох снега, потрескивание льда.

— Есть в Дараут-Кургане одна юная радистка,— рассказывает под аккомпанемент Саша.— Сначала у нее мы узнавали, когда в нашу сторону направится караван, как идет подготовка. А потом Виктор решил объясниться, взял да и отстукал — восемьдесят восемь. Ну,

вам, пожалуй, известно, что это на нашем языке означает. А она, понимаете ли, молчит,— Саша сделал паузу, будто отдыхая от непривычного обилия слов, хмыкнул.— Вот принцесса, вот странная особа! Тогда он ей пять раз отстучал — восемьдесят восемь. Двадцать. Сорок раз. На центральной линии нас засекли. И вежливо попросили прекратить личные беседы.

— Подумаешь, цензоры,—Виктору явно неприятен такой финал.— Посидели бы годик без весточки, небось иначе бы запели.— Помедлив и охладившись, он все-таки отступил:— Впрочем, служба есть служба. Скидки тоже вредны.— И пригласил нас:— Давайте-ка лучше к столу. Мы уже перекусили с туристами. Пойдем на второй заход.

Твое слово, Яннаев

Вдруг с Женей произошло что-то непонятное. Ложку не донес до рта, замер, а брови так вздернулись, что очки свалились бы в тарелку, не придержи он их рукой. Вдобавок еще закашлялся — коротко, с хрипотцой. Парни переглянулись: в чем дело?

— Это что еще за явление?..— проговорил, наконец, Яннаев. Он попробовал было встать, но его длинные-предлинные ноги оказались зажаты между столом и стулом, и он застыл вопросительным знаком.

У входа в гостиную стояла Аня Мальцева. Халат, плотно схваченный пояском, делал ее куда привлекательней, чем «безразмерная» брезентовая штормовка. Русые волосы падали на плечи. И вся она была такая ладная, что трудно было поверить, что это с ней мы летели в вертолете, что ее день назад провожали в Алтын-Мазар.

— Так вы здесь? Почему? Или заблудились, а?

— Зачем же,— она пожала плечами,— меня Саша привел.

Женя глянул на Фомина. Тот сидел красный, как рак. «И чего она вырядилась,— думал он.— Откуда-то халат выкопала... Тоже, нашла место демонстрировать свои прелести». Но держаться Саша старался независимо, с достоинством. Подумаешь, начальник. Через несколько зимовок и его самого начальником могут назначить. Не на эту, так на другую станцию.

— Вот что, Женя, мы решили,— он собрался с духом и запальчиво закончил: — В общем, Аня остается со мной. На станции.

Жене его тон не понравился. И чего хорохорится? Мальчишка и есть мальчишка. Да и Аня хороша: добирались вместе, а о Фомине ни слова. Уселся поудобнее, сказал:

— Решать, положим, придется мне. Это раз. А во-вторых, выкладывайте, Аня, как вы очутились здесь и что все это значит?

Среди тех, кто сидел за столом, только Виктор знал о том, какие отношения сложились между Сашей и Аней. Еще раньше, во время зимовки, Саша рассказывал ему, что есть у него в Новосибирске знакомая, которая учится на радистку, что он хотел бы, если она согласится, объездить с ней все высокогорные станции Памира и Тянь-Шаня. Виктор понимал, что Саша не треплется, что это действительно так, потому что за долгие месяцы зимовки научился понимать его, как себя самого.

— Расскажи,— посоветовал он Фомину.— Ведь твоему нынешнему шефу пока ничего не известно.

А получилось вот что.

Едва Аня, прилетев в Алтын-Мазар, оглядела станцию и познакомилась с ее начальником Бейшеке, кото-

рый проработал на станции лет пятнадцать, как ей захотелось узнать: сложно ли добраться отсюда до обсерватории?

— Сложно — не сложно, а ходят. Вон видишь — тропинка,— показывал Бейшеке,— держись ее, не потеряй в травах, среди деревьев, она тебя и выведет к леднику. Только что был тут один, Сашка. Быстро, говорит, дошел. Оно и понятно — вниз да вниз.

— Какой Сашка?

— Как какой? Фомин.

— Фомин?

— Ну да, Фомин. Другого-то Сашки у них нет. А ты что, знаешь Сашку?

— Учились вместе.

— Постой, постой! И как я сразу не сообразил. Ты ж ему письма писала! Они здесь месяцами лежат, накапливаются, пока ребята не придут за ними. Делать нечего, я их часто перебираю. Известно мне, кто кому и откуда пишет. А тут сплоховал. Не подумал, что ты Мальцева и та Мальцева — одно и тоже. Письма-то отдал ему, а не сказал, что прилетаешь. Иначе бы Сашка задержался, точно говорю — задержался.

Бейшеке был словоохотлив, как всякий, кто истомился по «свеженькому» собеседнику. Жил он на станции вдвоем с женой. Дети выросли, разъехались. И он встречал радисток, которые сменялись почти ежегодно, как родных дочерей. Понимая состояние Ани и зная, что Сашка далеко не уйдет: ему захочется еще и еще раз перечитать письма, Бейшеке собрал Ане поесть и проводил до тропы.

Добрым провидцем оказался старый Бейшеке... Когда лес поредел, снизу пахнуло холодом, Саша сбросил рюкзак, запалил хворост и уселся возле костра на валуне. Письма, письма. И зимние, и весенние, и лет-

ние — все вместе, в одной пачке. С тех пор, как они были написаны, столько событий произошло в жизни его родных и друзей. Для них самих те радости или горести, о которых они сообщают, давным-давно поблекли, забылись средь новых забот, волнений. А Сашка, как и все ледниковцы, воспринимает их во всей свежести, будто сегодняшние.

Он перебирал огромную пачку конвертов — по датам, авторам и еще каким-то признакам. То хмурился, то смеялся, сдвигая свой берет с макушки на брови и обратно.

Последнее письмо от Ани — апрельское. Накануне распределения. Чувствовалось, она злится на то, что писать приходится без надежды получить ответ. Девчонки открыто подсмеиваются над ней, считают дурехой. Не умеет, дескать, воспользоваться своей привлекательностью, обзавестись достойным партнером. «А переслать письмо, они говорят, можно в век техники отовсюду. Если, конечно, этого захотеть. Я продолжаю спорить с ними, хотя без прежнего энтузиазма... Очень много заявок на радисток поступило в училище от здешних, сибирских станций. Какая-то и меня ждет...»

Да, век техники. Сашка с улыбкой посмотрел на свой сорок третий размер. Горные ботинки, сотворенные из сверхпрочных материалов, уже дышали на ладан. Четвертые за сезон. Сколько их еще сносят ледниковцы, прежде чем ледник окажется под силу вездеходам.

Небо закраснелось, предвещая ветер. Саша забеспокоился. По опыту он знал, что попутный ветер на леднике случается лишь тогда, когда и без него легко обойтись,— на спуске. А ему предстоял подъем.

Надо было спешить, чтобы пройти засветло до предполагаемого ночлега — у «Чертова гроба». Но едва он закинул рюкзак, как услышал:

— Сашка, Сашка! — мелькая между деревьями, к нему бежала Аня.

Он узнал ее по голосу. А когда она подбежала, остановилась, переводя дыхание, смеясь и смотря на него с торжеством победителя и побежденного — одновременно, тогда он... не узнал ее. Память имеет свойство не только хранить образ дорогого человека, но дорисовывать, продолжать его во времени, развивать. Саша мог поклясться, что представляет, какой будет Аня и через год, и через десять. Причем — безошибочно. Но предвидение такого рода редко подтверждается, поскольку мы не в состоянии учесть всего того, что преподносит нам каждодневно сама жизнь.

Они стояли и смотрели друг на друга.

— Ой, какой ты черный,— она провела пальцем по его щеке, потом резко отдернула.

Саша растерялся. От той тихой и застенчивой Ани и следа не осталось. В ней все кипело энергией, вызовом.

— Ну, чего молчишь? Видишь, к тебе приехала. Разве так гостей принимают?

— Хорошо. Пошли.

— Что хорошо? Куда пошли?

— В обсерваторию,— сказал Сашка.

Ему даже в голову не пришло спросить, как она попала сюда? Надолго ли? Слишком все было неожиданно. Повернувшись, зашагал к леднику. Аня — следом. Им нужно было пройти год, разделявший их,— от придуманных Ани и Саши — к реальным.

Иногда он оглядывался, не сбавляя шага, словно что-то сравнивал, с чем-то свыкался. Аня тоже молчала. Идти становилось все труднее и труднее.

«Чертов гроб» — одно из коварнейших творений природы, созданных для того, чтобы наказывать человека

за стремление к удобству. У самого края ледникового языка, среди острых, как лезвие, скал и ледовых наростов, перед измученным путником возникает изящное каменистое ложе, прикрытое сверху нависшей глыбой песчаника. Плоской, как потолок. Соблазн велик, но тот, кто не устоит, поддастся ему, будет потом раскаиваться. Ночью сюда, как бильярдные шары в лузу, летят сбоку камни. Даже в сплошное безветрие. Дает себя знать большая разница температур дня и ночи.

Но и «Чертов гроб» готов смилостивиться, если найдешь к нему подход. Саша выбрал место чуть поодаль от изящного ложа, впритык к скале, где образовывалось как бы непоражаемое пространство: камни проносились поверху, а человек мог чувствовать себя в полной безопасности.

— До обсерватории еще далеко? — спросила Аня.— Мне ведь потом возвращаться надо. Бейшеке ждет.

Она слегка озябла. Голос подрагивал. Усталость превратила ее в прежнюю Аню — робкую и застенчивую. Присев у скалы, она переобувалась и со страхом прислушивалась к «шумовым эффектам» ледника.

Саша приободрился. Как всякий, кто замечает вдруг, что в его поддержке наконец-то нуждаются, он почувствовал себя ответственным за её судьбу. И тут же заявил, что Ане необходимо перейти работать в обсерваторию, что у них всегда есть в запасе место радиста, что парни, конечно же, будут ей рады.

За год можно приноровиться к характеру ледника. Перебираясь через трещины, как канатоходец, увлекая за собой Аню, он на следующий день резко сократил путь. В обсерватории они появились значительно раньше нас.

Случай этот не назовешь рядовым. Очень уж неподходящ ледник Федченко для паломничества жен и лю-

бимых. Сорокалетняя история зимовок о подобных прецендентах умалчивает. Вот и думай, Яннаев, как поступить.

А ему вспомнились последние дни перед отъездом на ледник. Аня, его жена, ходила по комнатам растерянная, какая-то опустошенная. То укладывала Женин рюкзак, то вновь вынимала из него вещи. Уже было ясно, что на этот раз он отправляется один. Впервые за десять лет. Сердце подвело Аню. Не под силу ему оказалась высота, на которой работают ледниковцы.

— Да не горюй ты, Аннушка, чепуха все это. На Федченко, если хочешь знать, за все время одна только женщина выдержала зимовку. Вернусь оттуда, махнем куда-нибудь вместе, чуть пониже. Памир-то — славу богу, на наш век хватит. Ну что ты опять, что?..

Утешитель из него был никудышний. Не мог он заставить человека поверить в то, во что сам верил слабо. Так и уехал, не успокоив ее даже как следует.

А теперь вот эта Анна. Тезка.

— Бейшеке знает, где вы?

— Знает. Вернее, не совсем. Я ведь думала только догнать Сашку, поговорить и вернуться.

— Прекрасно. Программа перевыполнена. Как ни жаль, но нам придется проститься. Саша, конечно, вас проводит.

Наступила короткая пауза. Яннаевские слова, да еще с претензией на добродушную иронию, подействовали ошеломляюще. Вряд ли кто-нибудь из нас предполагал такую развязку. Словно по команде уткнув в пустые тарелки, мы спрашивали себя: а как бы, окажись на месте Яннаева, поступили мы сами? Человеку свойственно нередко считать себя деликатней, гуманней, чем другие. Почти никто не сомневается, особенно по горячим следам поступка товарища, что он сделал бы

иначе, лучше. Но в чем именно? Как? И почему? Что и говорить, когда наблюдаешь за шахматными баталиями со стороны, в голову приходят великолепные комбинации. Игроки кажутся эдакими простачками, допускающими один промах за другим. Но стоит сесть с ними за доску самому, начинается резкое смещение представлений.

— Да что же это такое? Мы решили, а он...— Саша вскочил. Злой, взъерошенный. Не говорил — выкрикивал.— Никуда она не уйдет. Понял ты, начальник. Зимовку нюхал? Нет. И сразу распоряжаться?

— Ну и псих. А рассказывали, будто тихоня. Любопытно,— опять добродушный тон при холодных глазах.

Сашка глянул на него и остыл. Словно выключенная лампочка.

— Хорошо, пусть по-твоему. Но и я не останусь.

— Останешься.

— Нет.

— Аня, побудьте пока в Сашиной каюте. Заодно и порядок наведете. А мы потолкуем.— Когда она вышла, Яннаев сменил тон:— Зимовками меня не попрекай. Я их тоже хлебнул. Запомни покрепче, что здесь не контора заготсырья: захотел — поработал, захотел — ушел. Посылают сюда, как пограничников на самую дальнюю заставу. И если самовольно оставил пост... Пора знать об этом. А теперь насчет Ани. Разве я не прав, парни, а?

По существу один Виктор имел право голоса: он больше всех знал Сашу, его отношения с Аней. Но он молчал, хотя Сашка буквально «вынимал из него душу» просящим взглядом. Молчал, как-будто все, что здесь происходило, уже его не касалось, уже не нуждалось в его вмешательстве. Потом он будет мучиться. Потом

он скажет мне на спуске с ледника: «Зачем бы я переубеждал Яннаева? Ему с Фоминым зимовать. Принял бы, допустим, мой совет, оставил Аню, а случись что, крестил бы меня на чем свет стоит. Верно ведь?»

Яннаев подвел черту:

— Отправляйтесь завтра. Когда у тебя дежурство?.. Ничего, успеешь отдежурить. И еще: сообщи Бейшеке, что Аня здесь. Старик, наверное, все глаза проглядел.

Атака на психику

Подняться на вершины намного проще, чем быть на них. Это я ощутил в первое же утро. Проворочавшись всю ночь на верхней полке в крохотной комнате, именуемой здесь каютой, и насмотревшись вдоволь кошмаров,— снова летел в трещину, снова хлюпал по снежной каше, снова задыхался от ветра,— я захотел встать и выйти на улицу. Но стоило мне оторвать голову от подушки, как в висках загудело и я вновь плюхнулся на подушку. Барометрическое давление на станции — четыреста миллиметров, почти вдвое ниже обычного; пульс человека равен ста двадцади — ста тридцати ударам в минуту. Особенно трудно переходить из горизонтального в вертикальное положение.

Следя за тем, как легко передвигаются Тагай, Женя и Виктор, я завидовал им. Точно и не действовали на них давление, разряженный воздух. Ну, Женя, ладно, он давно кочует с перевала на перевал. Тагай тоже: родился в высокогорном Алайку, потом переехал вместе с родителями в Ош, и снова, окончив училище, забрался в горы. А Виктор, который, как истинный одессит, ничего, кроме моря, не видел? А Саша, прибывший на ледник из-под Тулы и только тут убедившийся воочию, что не вся земля ровна-ровнехонька? Как чувст-

вовали они себя год назад, когда очутились на станции — в условиях кислородной недостаточности, ультрафиолетовой радиации, сильной ионизации горного воздуха, резких колебаний температуры и влажности? Помогла ли им акклиматизация, которую они должны были пройти перед этим?

— Акклиматизация?— переспросил меня Виктор.— Что-то не помню. Мы свою акклиматизацию здесь ввели. Прямо перед домиком поставили ворота, набили кожаную шапку ватой и гоняли ее, сколько хватало духа.

— А если бы приключилась болезнь? Что тогда?

— Очень просто. Спустились бы вниз.

— А не поздно?

— В каком смысле?

— Пока определишь, что вышел из нормы, пока понадеешься — обойдется, дорогу и прикроет снегом. Хочешь-не хочешь оставайся зимовать. Это возможно?

— Вполне. Саша, например, с последним караваном явился. Обошлось... Нам биолога или врача сюда бы: мы ледник, атмосферу наблюдаем, а он пусть нас исследует — поведение личности под облаками,— Виктор хитровато сощурился: тоже, мол, красивые фразы заворачивать умеем. И продолжал — уже серьезно, без улыбки:— На Памире специальные лаборатории создаются. Ученые определяют, что при кислородном голодании в условиях высокогорья резко истощается организм, появляются отеки, нарушается целостность капилляров. Лишь через двадцать — тридцать суток организм привыкает к высоте, в какой-то мере приспосабливается. При этом, чтобы избежать катастрофы, необходимо различать обычные приспособительные реакции от необратимых изменений. Как видишь, целая наука. Нам ее постичь сложновато. Другое дело — специалист.

Мы согласны быть и подопытными, если в интересах дела.

Время зимовки — от октября до августа. Пять человек остаются лицом к лицу с настороженной, грозной стихией. Только они одни. Рассчитывать больше не на кого. Каждый из них твердо знает свои обязанности, для каждого из них работа — долг перед собой, перед товарищами. Как бы ни свирепствовала непогода, никто не откажется идти на дежурство, не махнет рукой — обойдется, дескать, станция без сводок. График, дисциплина — во всем.

Но есть еще и другой, как бы психологический момент. Их всего пятеро. Они сталкиваются сегодня, завтра, послезавтра — от первой до последней минуты. Все, что можно рассказать, тысячу раз пересказано. В различных вариантах. До мельчайших деталей. Известны привычки, интонации друг друга, известно, кто что скажет, открыв глаза, как отнесется, если ему подадут пересоленный суп.

В газетах как-то писали об эксперименте, целью которого было узнать, насколько сильно влияет однообразие обстановки на взаимоотношения между людьми. Для эксперимента подобрали двух ученых, привыкших к кабинетному образу жизни. Их поместили в изолированную кабину, где они находились чуть больше месяца. Обычно уравновешенные, деликатные, они все-таки не выдерживали атаки однообразия, столь тесного контакта, начинали коситься, сердиться друг на друга, обменивались язвительными репликами.

А как же быть ледниковцам, у которых в запасе триста дней? Ледник и тот хоть на метр в сутки пододвигается к Большой земле, а станция, а они — на одном и том же месте. Книги, шахматы, музыка, споры — все это здорово, но без разрядки нельзя.

— Иной раз разбросаешь все вещи по каюте, наведешь страшенный беспорядок,— говорит Виктор,— а потом два дня убираешь.

— Толик Ивченков просыпался пораньше, зашивал мне наглухо рукава свитера и хохотал, когда я пытался одеться,— рассказывал Саша.

Случались и пустяковые вспышки, кто-то с кем-то не разговаривал дня по три. Но думают они друг о друге, как о дорогом товарище, сблизиться с которым помогла такая суровая и такая необходимая работа. И нет на Большой земле встречи для них приятней, чем с ледниковцем.

Они открывали в себе способности, о которых и не подозревали. Саша, например, сумел вырубить из куска дерева колоритную голову неандертальца. У него такой свирепый вид, что посмотришь — дрожь берет. Теперь неандерталец хранится в музее станции среди прочих реликвий. А рядом на красном лоскутке — женская приколка. Самая обыкновенная. Под ней надпись: «Охраняется законом». Это не назовешь шуточкой или сантиментами. У ледниковцев свои ассоциации, своя манера обобщать настроение — глубокое и чистое, как снег вокруг.

Прямо с утра я принялся за осмотр станции, о которой так много слышал. Приземистое здание было покрыто оцинкованным железом, плотно схваченными болтами. Ему уже за сорок, этому железу, а оно не тускнеет, серебрится на солнце. Рассчитанная на сопротивление ураганным ветрам крыша — полукруглого сечения. Внешне домик похож на киргизскую юрту или ангар.

Из четырех кают, кухни и бани можно попасть в центральное помещение — гостиную, соединенную с метеорологическим кабинетом, радиорубкой и каютой на-

чальника станции, где расположена и фотолаборатория. Вся система комнат опоясана коридором шириной в полтора метра, окончательно преграждающим доступ ветрам и морозам. Сюда же складываются продукты, топливо, здесь же находится маленький электродвигатель.

По своему интерьеру каюта напоминает купе вагона — откидные кровати, письменный стол, полка для книг. Сквозь застекленные в восемь слоев окна из обсерватории открывается вид на все стороны. Вверх и вниз ледника Федченко змеятся морены главного его русла, исчезающие в дымке боковые притоки; напротив, за бортом ледника, высится пик Мехнат, а чуть западнее — пик Коммунистической Академии, завершенный двумя могучими, как бивни мамонта, зубцами; на юго-западе, если миновать приборы метеоплощадки, белеют фирны перевала Кашал-Аяк, откуда несутся спокойные или штормовые ветры; что касается востока — это наш путь на станцию.

Осмотрев все, что меня интересовало, я вышел наружу. Аня с Сашей, а вместе с ними и туристы из Ижевска и Москвы ушли совсем рано, когда мы еще спали. Вокруг томилось гнетущее безмолвие. Лишь изредка в него врывались на какой-то миг шипение лавин, грохот камнепадов, треск ледника.

Голые, без кустика или деревца, окрестности и это безмолвие. Поговаривают, будто для снежных барсов тут раздолье, будто поблизости они должны обитать. Может, и так. Но до сих пор ни один из работников станции с ними не сталкивался. У парней даже ружья нет. К чему, мол, оно нужно, любого зверя, пусть только покажется, как гостя дорогого примем — накормим и обогреем.

От здания лучами расходятся тросы. Прочные, креп-

ко натянутые. Один — к метеоплощадке, другой — в сторону ледника, третий — к туалету. Зимой без них не обойтись.

— В пургу надеваешь специальный пояс, прищелкиваешься к тросу. Как парашютист. Тогда не заблудишься,— объяснял мне Тагай.

Он попал сюда одновременно со мной, но уже чувствовал себя хозяином. Мог все показать, обо всем высказать свое мнение. Для него, вступающего на вахту зимовщика, я был теперь не попутчиком по ледниковому переходу, а рядовым командировочным. Он взялся просвещать меня о путешествии Федченко в Алай, о том, как он открыл вершину, названную впоследствии пиком Ленина, о его мечте обстоятельно исследовать Памир.

Хотя я читал обо всем этом, слушать Тагая мне было интересно. Он говорил и сам удивлялся тому, что говорил. Причем удивление не выплескивалось вместе со словами, а таилось внутри, придавая рассказу характер откровения — и для меня, и для него самого.

На станции царило межвластье: Виктор успел лишь частично передать бразды правления Евгению. Однако перемены эти не отражались на распорядке жизни — тринадцать раз в сутки дежурный производит наблюдения; через каждые три часа, занеся результаты в таблицу и определив баланс на счетах, он передает сводки в Управление. Это необходимо для авиации, хлопкоробов, ученых. Такая периодичность поддерживается с момента основания станции, и с каждым годом материалы ледниковцев приобретают все большую ценность. Постепенно они разгадывают характер льдов, узнают законы их таяния в различных природных условиях, измеряют скорость движения ледяных потоков, определяют, сколько влаги они отдают атмосфере.

«Если ранний мороз губит посевы хлопчатника в жарких среднеазиатских долинах, если в реках перестает течь вода и пересыхают русла, если яростный ветер срывает листья с шелковичных деревьев, если вызванные дождями мутные силы заливают рыжей тягучей жижей посевы пшеницы, если происходит тысяча других неожиданностей,— кто прежде всего в этом виновен?

Это лед горных высот, который борется с солнцем...» Так писал путешественник, исследователь Памира Павел Лукницкий, вдоль и поперек прошедший по гигантской ледовой крыше.

На огромных высотах, вознесенных над Средней Азией, находятся миллиарды тонн льда. Сам ледник Федченко имеет протяженность около семидесяти двух километров, среднюю глубину ледового тала — полкилометра. А если учесть еще другие ледники этого бассейна, то общий их объем не менее пятисот кубических километров. Крупные реки Памира — Ванч, Бартанг, Язгулем и Вахш — в той или иной мере берут начало именно в этом бассейне. А от них уже происходит великая Аму-Дарья, гордость всей Средней Азии.

Ни энергетика, ни ирригация среднеазиатских республик, связанных единой энергетической системой, совместно использующих водные ресурсы, не могут развиваться без изучения ледника — родины воды, ее аккумулятора. Синоптики будут беспомощны, если не получат сведений с ледника, откуда распространяются во все стороны «волны погоды».

В ледяном плену

Еще по дороге на станцию, когда я интересовался, чем будет заниматься Женя в свободное от дежурства время, он говорил:

— Перечитаю всю библиотеку, научусь играть на аккордеоне.

На прежних зимовках ему удалось овладеть гармонью, теперь он брал выше. Условия для этого в обсерватории вполне подходящие. Музыкальных инструментов столько, что впору оркестр создавать. Прогибаются от книг стеллажи. По непреложному правилу каждый зимовщик делает в библиотеку свой взнос — самые любимые книги. Конечно же, интересы подчас совпадают. Но библиотека не в проигрыше. Скорее наоборот.

Усевшись подле полок, просматриваю книги. Многие из них хранят признательность тех, кто их читал. Вот книга о Феликсе Дзержинском. Наталкиваюсь на подчеркнутые строки: «Долг — это не обязанность, а необходимость, потребность, глубокое убеждение». И рядом, на полях, резким яннаевским почерком: «Великие мыслят родственно. Гете видел долг там, где любят то, что сами себе приказывают». Еще через десяток страниц им же подчеркнуто: «Ничего не делай против своих убеждений, не позволяй временным желаниям одолеть тебя, всегда проверяй свои поступки разумом».

С книгой мы откровенны, как наедине с собой.

Пржевальский и Рокуэл Кент, Зорге и Чехов, Джек Лондон и Федченко...

Ледниковцев привлекают мужественные натуры, их волнуют чистые, незамутненные истории любви. По библиотеке можно проследить их духовный настрой, создать как бы их обобщенный образ.

И будь я художником, я бы нарисовал такую картину: на краю ригеля, средь сгорбленных льдов и могучих вершин, стоит атлант, в одной руке он держит заарканенную грозную тучу, а в другой — заарканенный ледник. Ураган, наводнение рвутся вниз, к цветущим долинам. Но прочно стоит атлант. Весь он собран, напряжен,

весь сосредоточен в едином порыве — сдержать бунт стихии. А когда бунт на время подавлен, глаза его мечтательно и светло устремляются вдаль, туда, где безбрежные колхозные нивы, контуры гигантских городов, где живут и работают миллионы дорогих ему людей.

Я понимаю, такой образ ледниковца может показаться не совсем реалистичным. Задача сотрудников обсерватории не в спасении от бед, которые несет стихия, а в том, чтобы помогать разгадке любых ее сюрпризов— и огорчительных, и приятных, заранее предупреждать о них. И все-таки есть в атланте что-то от парней, находящихся за сотни высокогорных километров от Большой земли и вместе с тем прочно связанных с нею общими большими заботами.

Закончив наблюдения, возвратились Яннаев и Фомин. В общем-то летом, когда природа не столь изощренно расставляет ловушки, можно дежурить по одному. Но Яннаев не упускает ни малейшей возможности получше узнать тех, с кем ему предстоит зимовать. Собранные сведения Фомин тут же занес в журнал, чтобы при очередном сеансе связи передать их в Управление.

Комплекс наблюдений в обсерватории обширный: метеорологические — давление, температура и влажность воздуха, направление и скорость ветра, облачность, осадки; актинометрические — изучение солнечной радиации; гидрологические — скорости течения в межледниковых потоках, расход воды, наблюдения за ее радиоактивностью; гляциологические—изучение структуры ледникового льда, его образования и особенностей.

Новичка такой объем работы, выпадающий на долю дежурного, может испугать. На самом деле служба в обсерватории до того отлажена, до того четкий установлен порядок, что не выполнить наблюдения почти так

же невозможно, как отстать от поезда, находясь в нем самом.

У ледниковцев железное правило: если знаешь, умеешь — товарища научи. За минувшую зимовку Саша Фомин научился искусству радирования у Мясогутова. Виктор имел педагогов: по лыжам — Володю Коннова, по шахматам — Анатолия Ивченкова.

Теперь Яннаев настаивал, чтобы Виктор в темпе развивал его «музыкальные способности». Почему в темпе? Да потому, что Виктору осталось сидеть на леднике считанные дни. Только вернется из отпуска Ивченков, а с ним и пополнение — Алексей Екатеринин, и Рудюку можно играть отходной марш.

— Давай, шпарь по уплотненной программе,— прижав аккордеон к груди, Яннаев сверху сосредоточенно глядел на клавиши.— Ты мне только азбуку растолкуй, остальное я сам освою.

С видом великомученика Виктор начинал очередной урок. Он десятки раз показывал, повторял, наигрывал одни и те же музыкальные фразы. Но сдвигов особых не было. Не давался Яннаеву аккордеон — и все тут.

— Слушай,— вздыхал Виктор,— может, на гитаре попробуешь? Если я не успею, то Саша доучит.— Разуверившись в способностях Яннаева, но не желая обижать товарища, он пытался увлечь его чем-нибудь другим.

Однако Женя и слышать не хотел о гитаре. Живет он строго по плану, и гитара у него намечена на следующую зимовку.

— Я обещал «Подмосковные вечера» сыграть. Причем, на аккордеоне. Обещал, ты понимаешь?

— Ничего себе запросы! А что-нибудь попроще нельзя? И к горам поближе.

— Нет,— отрезал путь к отступлению Яннаев.— Не будем терять время. Продолжим?

Напротив ригеля, на северном склоне ближайшего перевала, ледниковцы облюбовали плато. Особенно хорошо там кататься на лыжах летом, когда плотный, спресованный солнцем и морозом наст покрывается пушистым свежевыпавшим снегом. Скорость выбирай по душе — от бешеного свистящего полета до черепашьего хода. Все зависит от того, под каким углом будешь спускаться. Только не выходи на прямую, если со слаломом не в ладах. И запрети подрагивать коленям и блуждать глазам в поисках спасительного сугроба. Тогда благополучный спуск тебе гарантирован.

Мы поднимались на плато втроем — Саша, Тагай и я. Вечерело. Солнце уже приготовилось спрятаться за широкую спину пика Мехнат. По нашим расчетам до сумерек можно было скатиться по два-три раза.

Плато возвышалось над ригелем метров на четыреста. Отсюда отчетливо просматривался большой участок ледника Федченко. Едва мы очутились у верхней отметки склона, как Тагай воскликнул:

— Ракета! Красная ракета!

В нескольких километрах от обсерватории, прямо над ледником, вспыхивали красные точки. Приглядевшись, мы заметили и группу людей, должно быть, туристов, как-то странно мечущихся на узеньком пятачке. Создавалось впечатление, будто путь им перерезала огромная трещина, преодолеть которую они не в силах.

— Пошли,— Фомин оттолкнулся и стремглав полетел вниз. Через мгновение его уже вынесло на противоположный склон.

Ни Тагай, ни я не решились последовать за ним. Спускались зигзагами. И когда мы подбежали к обсервато-

рии, Женя, Виктор и Саша уже были экипированы, аварийное снаряжение уложено в рюкзаки.

— Тебе придется остаться, Тагай,— сказал Женя,— приготовь самовар. Затопи баню. Лучше тебя никто с этим не справится. Стемнеет — посигналь ракетами.

У Тагая было замечательное качество, которое сразу оценили все ледниковцы. В любой, самой суматошной ситуации он сохранял выдержку, умел подчинять свои действия необходимости. Ему тоже хотелось рвануться вниз на помощь туристам. Но кто-то должен был остаться. И он остался—кочегарить, готовиться к приходу гостей.

Двигались мы быстро. Когда позволял рельеф — бегом. Туристы, замеченные нами с плато, уже не были видны. Но мы знали, что за поворотом ледника столкнемся с ними нос к носу. Кто они? Откуда? И главное— что произошло?

Виктор сначала высказал предположение, что это наши ребята — Ивченков и Екатеринин. Хотели нагрянуть инкогнито. Да не вышло — напоролись на ледяную засаду. Вот и просят помощи.

— Но на пятачке было четверо,— сказал Саша.

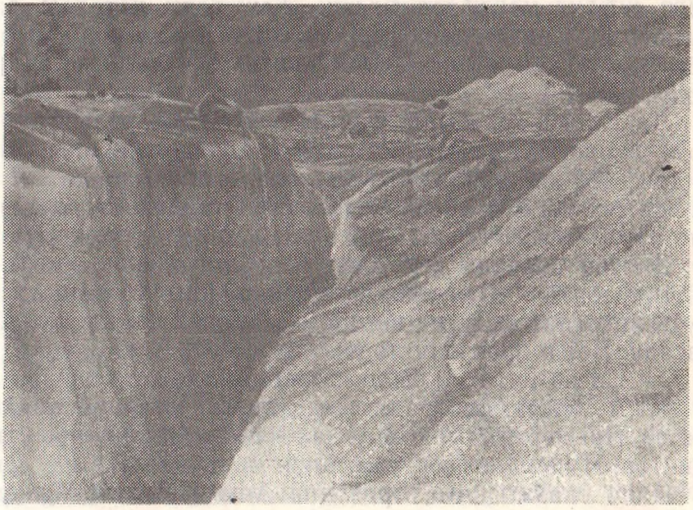
— А может, они радисток с других станций прихватили? Пример-то у них есть,— попробовал пошутить Виктор. И пожалел об этом.

Надо сказать, что, проводив Аню в Алтын-Мазар и вернувшись в обсерваторию, Фомин вел себя так, будто ничего и не случилось. Мы ожидали от него если не бунта, то хотя бы колкости, резкости в отношениях с Янаевым. Но он вдруг воспылал к нему симпатией и ревностно выполнял любое задание, чтобы заслужить его одобрение. Зато к Виктору охладел. И старался избегать разговоров с ним.

Миновав ледниковый изгиб, мы увидели туристов. Их

действительно было четверо. Измученные, растерянные, они очень обрадовались нам.

Через минуту все стало ясно. Пятый их товарищ провалился в колодец. Его, видно, заклинило на большой глубине. Сколько они не пытались вызволить его, сколько ни бросали ему веревку, толку не было. Первое время он стонал, потом затих.



Такие трещины вдоль и поперек прорезают все тело ледника.

Слушая их, Яппаев молча пристегивал к поясу капроновый шнур. Рядом повесил карманный фонарик. Приказал:

— Привяжите конец шнура вон за тот скальный обломок. Придерживайте, пока не спущусь. Веревкой я об-

вяжу вашего парня, подергаю — начинайте подъем. Я буду подниматься следом.

Опираясь руками и ногами о ледяные стенки, он медленно уходил в колодец.

— Хоть бы очки снял, разобьет ведь,— сказал турист в оранжевом вязаном берете.

— Нашел, что жалеть.

— Держи крепче. Скользит.

— Я развернусь малость. Дай еще метра два веревки.

— Бери хоть всю.

Туристы поверили в возможность спасения своего товарища. И ожили, разговорились. Но вот странно: ни один из них, хотя сложения они были отменного, не вызвался спускаться вместо Яннаева. Трудно судить, почему. То ли решительность Яннаева исключала саму попытку оспаривать у него это право. То ли парализовала рискованность спуска. Во всяком случае лишь теперь с их лиц исчезла растерянность.

Внезапно рванулo шнур. Но мы устояли. Через некоторое время рывок повторился. Опять и опять. Потом Женя рассказывал, что в иных местах стенки были словно отполированные. И он терял опору, соскальзывая до очередных выступов.

Когда шнур замер, мы поняли — Женя у цели. Метрах в тридцати от поверхности. Из ледяного горла колодца вырвались какие-то звуки. Саша, стоявший в связке первым, прислушался.

— Ледоруб просит,— пояснил он.

Спустили ледоруб. И стали ждать. Мучительно долго. Наконец веревка натянулась, дернулась. И тут-то началась работа.

Трудно передать все детали этого почти трехчасового подъема. Были и срывы, когда шнур выскальзывал

на миг у кого-то из рук. Были и остановки: Яннаев вырубал ступени. И снова срывы. И снова остановки. Но вот показался пострадавший — Жора Кругликов. Его подпирал Яннаев — головой, плечами. Вытянув их, мы сами едва держались на ногах.

Яннаев опустился на рюкзак и закрыл глаза. Парень был без сознания. Первое средство в таких случаях — спирт, но растирание на него не подействовало. Да особенно и не развернешься среди льдов, в наступившей темноте. Решили нести его на палатке. Пока мы собирались, Яннаев пришел в себя. От помощи нашей отказался. Зашагал сам.

На станции все пылало жаром. Поставив перед нами самовар, Тагай занялся Жорой Кругликовым. Перелом обнаружил один — левой ноги. Зато ушибов не пересчитать.

— Весь он сплошной ушиб,— сделал вывод растроенный вконец Тагай.— В больницу надо. Долго, хорошо лечить.

О доставке парня в больницу и речи быть не могло. Он не выдержит пути до вертолетной площадки.

— Никуда мы его отправлять не будем. Сами вылечим. Другого выхода нет,— сказал Женя.

— Все это так. Но скоро ли он встанет на ноги, поправится? ...Если мы задержимся на неделю-другую, потом отсюда и не выберешься.

— А зачем задерживаться? — Яннаев с недоумением посмотрел на туриста в оранжевом берете.— Потолкуйте с ним завтра, узнайте, кому что передать, и — с богом. Нянек и без вас хватит. Управимся. Вернем его здоровей прежнего.

— Не сомневайтесь,— поддержал Саша,— и вылечим, и дело для него найдем.

Тагай оказался настоящим лекарем. К утру Жора

уже мог говорить. С трудом, правда, но мог. Туристы пробыли в его каюте около получаса. А через несколько дней ушли, простившись со своим товарищем.

После обеда Тагай позволил нам навестить больного. Он лежал, обложенный подушками, порозовевший, но все еще неподвижный. Яннаев представил нас, в нескольких словах рассказал о станции, о характере работы на ней. Спросил:

— В технике разбираешься?

— Вполне.

— Обучим, первоклассным радистом будешь. Оклад тебе определим. Все как полагается.

— Спасибо.

— Рано благодарить. Скажи-ка лучше, не играешь ли ты на аккордеоне?

Видно было, как этот вопрос удивил Кругликова. Невольный жест — коротко дернул плечом: дескать, причем тут аккордеон? И зажмурился от боли.

— Странно,— произнес он, чуть помедлив,— аккордеон моя страсть. Жаль только, для гор тяжеловат.

— И «Подмосковные вечера» играешь? — быстро, точно боясь упустить удачу, спросил Женя.

— Конечно.

— Ну, братец, ну, осчастливил,— возликовал Яннаев,— теперь живем, парни, а?

— Объясните же...

— Ты обречен, коллега,— улыбнулся Виктор.

Лошади или вертолет!

Со стороны пика Мехнат доносился, приближаясь, редкий для этих мест гул мотора. Перед станцией вертолет снизился, насколько ему позволял рельеф, медлен-

но прошелся над нами, сделал разворот у противоположного края ледника и опять направился к нам.

Мы стояли, задрав головы, и старались понять намерения пилота.

— Сесть хочет, что ли?

— Вряд ли. Это все равно, что нам на ежа усесться.

Пространство вокруг обсерватории на самом деле взъерошенное, дикобразное. Могучие глыбы камня и льда, прочно сросшиеся с грунтом, ощетинились резкими гранями, сплошь и рядом торчат над поверхностью. На макушке ригеля вдоволь впадин, ям, провалов. С закрытыми глазами и двух шагов не ступить. Поблизости тоже ничего утешительного. Ледник, известный своим коварством, да остроугольные склоны Кашал-Аяка. С воздуха все это выглядит весьма устрашающе.

Что же означают маневры вертолета? Или пилот случайно оказался в этих краях и решил порадовать нас своим недолгим визитом?

На третьем заходе от вертолета стали отделяться какие-то продолговатые предметы, издали напоминающие праздничные подарки в магазинной упаковке. Когда они ударялись со всего маху о скалы, взвихривались клубы черной пыли.

— Уголь в мешках сбрасывают,— догадался Виктор,— тоже мне, деятели. С таким же успехом могли в колодец его высыпать. Зато современный метод доставки. И без бумажной волокиты: кто-то сдал, кто-то принял. Еще к тебе, Женя, приедут передовой метод перенимать. Только не заморозь ты их с угольком этим.

Жене было не до шуток. Топливо на станции так же важно, как и продукты. Потери его невосполнимы: до ближайшего лесочка километров сорок отмахать надо. Поэтому в расходе угля существует жесткий график. Нарушишь его, выйдешь из лимита — придется закуты-

ваться в одеяла и сосульки с носа счищать. Скучное занятие. Какая будет работа, если и погреться негде. Весь режим станции под угрозой.

Худое Женькино лицо посуровело. Он следил за вертолетом с таким видом, будто собирался в удобный момент протянуть руку и надавать пилоту по шее. Его настроение передалось и нам. И когда вертолет показался снова, мы принялись отчаянно жестикулировать, кричать, чтобы пилот оставил свой груз в покое.

Но, вероятно, радость и негодование выражаются в чем-то сходно, вероятно, сверху наши вопли, размахивание руками напоминали танец ошалевших от счастья зимовщиков, поскольку мешки с углем продолжали бомбардировать скалы.

Яннаев не выдержал. Сорвался с места и побежал туда, где приземлялись мешки. Он полагал, что теперь их не рискнут сбрасывать, боясь попасть в него. Но его приняли за чудака, который решил потешить компанию. Густая пыть обволокла его и скрыла от наших глаз.

После нескольких кругов вертолет, как бы на прощанье, поболтался над станцией: смотрите, мол, разгрузка завершена полностью. И повернул назад, в горловину ущелья.

Собирать было нечего. Женя стоял на черном пятачке и отплевывался. Редкий кочегар мог соперничать с ним по цвету лица. Он старательно демонстрировал перед нами спокойствие.

— Тоже мне, экспериментики... Тонну угля на ветер,— он полез в карман за сигаретами и задымил, как печная труба.— А ведь час такой вот вертолетной прогулки обходится в кругленькую двухсотпятидесятирублевую сумму.

Нелепый вид Яннаева усугублял нашу досаду. Мы побрели к станции.

— Лучше бы почту завезли. Письма, газеты не разобьются,— сказал Саша.

— Давно не получали?

— Ого! Десять месяцев и пять дней.

— Ясно,— моментально помрачнел Яннаев.

Опытный гляциолог, он хорошо понимал, что при заданном распорядке, в маленьком коллективе наверняка многое сложится по типу предыдущей зимовки, наверняка многое повторится. Ему нужно приготовиться к этому, а что не подходит — заранее изменить.

Вечером он отстукает радиограмму: «Уголь нам не забрасывайте. Остается пыль. Яннаев». Пока же, оседлав чурбан, продолжал выяснять ситуацию. Обращались ли в Управление с просьбой, чтобы почта доставлялась вертолетом? Почему нет? С мая по октябрь небо над Федченко для полетов сносное. В это время можно забрасывать и письма, и газеты. Нет ничего горше бездействия. Если жизнь на станции не улучшать, то она ухудшится. Остановить, законсервировать ее не удастся. Да и Управление всегда пойдет навстречу. Если, конечно, просьбы разумны, обоснованы.

— Позволь заметить, Женя, благие пожелания мало чем отличаются от бездействия. Они даже опасней, потому что расхолаживают человека. Как всякий бред, мираж,— Виктора раздражали замечания Яннаева, стремление выдавать, как ему казалось, общие беды за результат просчетов конкретных зимовщиков, его, Виктора, просчетов.

Когда год назад он принимал станцию, то не ковырялся в мелочах, не терзал парней рассуждениями о том, что они могли бы устроиться поприличней. У него даже в мыслях такого не было. Приехал и работай себе на здоровье. Без блажи. Как и до тебя работали. Главная задача — с абсолютной точностью проводить наблюде-

ния и передавать их в центр. Несмотря на суровейшие условия. Он выполнил эту задачу. Честно, без единого срыва. А налаживать быт, добиваться ежемесячной почты — дело десятое. Личное.

Однако Яннаева не так-то просто было сбить с толку. Оставив реплику Виктора без ответа, он неожиданно спросил:

— А что ты скажешь насчет посадочной площадки? Тоже бред или мираж?

— Площадки? Для чего?

— Для вертолета.

— Сдалась она нам, как Христу телевизор,— снисходительно усмехнулся Виктор.— Пустой разговор. Разве такой рельеф исправишь голыми руками? Тем более, что обычно приезжаем сюда на какой-то год-другой.

— А если бы на пять?

— Тогда другое дело.

— Почему?

— Отстань. Каждому ясно: заглядываешь вдаль тогда, когда идти далеко. И обувка попрочней выбирается.

— Да, зыбковато мыслишь. Станция же остается. Новые зимовщики приходят.

— А ты хоть представляешь размеры площадки?

— Прикидывал. Если учесть высоту, разряженность воздуха, давление и прочее, то для МИ-4 метров двести потребуется.

— Во! Попробуй пригладить столько.

— А что, и попробуем. Верно?

Фомин сказал, что без помощи Управления, специально присланных рабочих здесь не обойтись. Яннаев думал иначе — это только затянет дело.

Потом, обследовав местность, мы убедились, что посадочная площадка позволит намного сократить расходы на перевозку грузов к станции. Выгодность воздуш-

ного пути доказывает даже попытка доставлять вертолетом уголь. Жаль только, что его пришлось сбрасывать.

Здание станции строилось в те годы, когда вертолетов не было еще и впомине. Но коль теперь они есть, коль теперь они служат нам, почему бы не сделать то, без чего поневоле обходились предшественники?

Ведь обеспечивать станцию всем необходимым попрежнему тяжело. Одного угля она ежегодно расходует около двадцати пяти тонн. А продовольствие, а аппаратура?

Для того, чтобы забрасывать грузы на ледник, в Оше содержится специальный караван лошадей. Его используют только в сентябре и только на маленьком отрезке: Песчаный мыс — станция. А до Песчаного мыса от Оша четыреста километров. Можно представить, каков КПД каравана и обслуживающего персонала. Затраты на станцию велики, лишь важность исследований заставляет идти на это.

Если оборудовать площадку, появится непосредственная связь с Большой землей. Случись беда, как, допустим с тем же Кругликовым,— и может прилететь врач. Легче будет производить замену людей. Да и желающих работать на станции будет больше. Когда товарищи Виктора и Саши — Мясогутов, Ивченков и Коннов — собирались в отпуск, в Управление отослали семнадцать радиограмм с одной просьбой — выслать к Песчаному мысу вертолет. При переходе Коннов повредил ногу. Вертолет, не дождавшись их, улетел. Трое суток просидели парни у ледникового языка. На четвертые отправились к Алтын-Мазару. Снова дали радиограмму. и только на пятые сутки им удалось улететь.

Я согласен с Виктором: самой природой ледниковцы поставлены в жесткие условия. Зимними месяцами, которые растягиваются чуть ли не на полгода, по крышу за-

метает снегом. Мощность ветра достигает пятидесяти метров в секунду. Тебя обжигает морозом, сбивает с ног, тебе угрожают трещины, камнепады. На то и самая высокогорная, труднейшая станция в мире. Однако зачем — и тут я полностью присоединяюсь к Яннаеву — зачем преодолевать преграды, испытывать неудобства, которых можно избежать?

Отмеряя чуть ли не двухметровым шагом один участок за другим, то и дело опережая нас, Женя, наконец, успокоился и добродушно подшучивал над Виктором:

— Будь ты у меня в подчинении, я бы тебя на хозрасчет перевел. Чтобы режим экономии каждой клеткой прочувствовал. Тогда бы ты, как миленький, научился понимать, что выгодно, а что нет. И перестал бы одним годом жизнь станции мерить.

— Слушай, черт очкастый, иди ты в баню!

— Отличная идея! Своевременная,— чумазая Женькина физиономия расплылась в предчувствии банной благодати.— С благодарностью принимаю.

Проводы по совместительству

Из Управления сообщили: Ивченков и Екатеринин отбывают к Песчаному мысу. Через день-два будут на станции. У Виктора Рудюка «горит» путевка. Пусть поторопится.

Тагай, принимавший радиограмму, заодно сообщил и о своих наблюдениях: по синоптическим данным в течение недели ожидается резкое изменение погоды. Ветер. Снегопад. Пешеходная тропа исчезнет. Предположительно на полмесяца.

— Намекает, что нам с тобой пора выметаться,— грустно улыбнулся Виктор,— готовься, выйдем рано утром.

Да, так было условлено: с прибытием пополнения на ледник Виктор и я должны незамедлительно спускаться. Единственная привилегия ледниковцев — путевки на курорт, в дома отдыха Крыма. Виктор хотел воспользоваться этим. Тем более, что рядом будет родная Одесса, его дом.

Жизнь горных зимовщиков не очень-то богата событиями. Но тот день был особенным. Вышло совпадение: день рождения Виктора и проводы. По совместительству, уточнил именинник. Для проведения торжества Яннаев создал комиссию. Вскоре на станции все горело, кипело, бурлило. Соблазнительные запахи бродили по комнатам, настраивая на застольный лад. Какими-то блюдами поошски, засекреченными пока, пообещал удивить нас Тагай. Свежих продуктов на складе не было. Приходилось изобретать.

Тагай привез с собой добрый десяток пакетиков острейших приправ. Праздничный стол окрашивался в азиатские тона. Кто знает, может кухня Тагая войдет в летопись станции, как вошло, скажем, техническое мастерство Анатолия Ивченкова, сумевшего из ничего соорудить ветряк, собрать электродвигатель, части которого ржавели прежде под обрывом и который выручает их, когда барахлит движок.

Мы с Виктором остались не у дел. Нас деликатно попросили не мешаться под ногами.

Яркая голубизна близкого неба заливала вершины. Безмятежно нежился в его свете ледник. Чудно и тихо было вокруг. Наступил час перемирия между силами природы. И только на самом верху продолжалась борьба. Хребты, как в штыковой атаке, прокалывали облака. А затем — замирали, обнажив головы пред чистыми небесами. Захватывало дух. Ощущение вечности, величия бы-

тия исходило от воцарившегося покая, суровой и вдохновенной красоты.

Можно было понять, что влечет сюда парней. Благодаря чему они «любят то, что сами себе приказывают». Именно здесь они властелины. Именно здесь им доступно то, что недоступно другим.

Привлекательность этого студеного мира весьма относительна. Те, кто наполнен токами городских скоростей, кому родственны шумные потоки автомобилей и прохожих, не знают, куда себя деть от тоски. И, едва поднявшись сюда, уже мечтают о спуске. Как золото вступает в реакцию лишь с кислотой, именуемой «царской водкой», так высокогорные станции взаимодействуют только с людьми определенного склада, только им одним они открывают свою душу.

Получилось ли такое взаимодействие у ледниковцев? Ну, хотя бы у того же Виктора, вместе с которым мы ожидали приглашения к столу? Я не сомневался, что да. И меня интересовало, не трудно ли было ему, самому молодому из сотрудников — сегодня отмечалось его двадцатилетие — руководить станцией. Взять его товарищей — Мясогутова или Ивченкова — у них за плечами не одна зимовка, прочный взгляд на все, что связано с их работой.

Виктор в задумчивости трет переносицу, отвечает в привычной манере — тихо, посматривая на меня, как я его пойму:

— На другом месте у меня ничего бы не вышло. Но ледник есть ледник. Субординация здесь иного характера. Неважно — повар ли ты, начальник ли. Тебя принимают или отвергают — полностью. Спрятаться в себе, пытаться выглядеть лучше, чем ты есть на самом деле, у нас невозможно. В любую минуту на виду. Если же тебя

приняли, то слабость, промах твой простят, одолеть помогут. Я это, пожалуй, сильнее всех испытал.

— Ну и как, к делу крепко прирос?— спросил я скорее по инерции, поскольку был уверен — тут все в порядке. Оказалось, не совсем.

— Больше к станции. Понимаешь, осечка у меня получилась.

Сколько помнит Виктор себя, его привлекало только море. Оно находилось рядом, рукой подать — и от дома, и от школы. И профессию он выбрал морскую — штурман дальнего плавания. Готовился, запасся учебниками. Но родители, наслышавшись всяких страхов про кораблекрушения, штормы, оторванность от земли, запротестовали. Настоять на своем Виктор тогда не сумел. И поступил уже так, лишь бы год не потерять, в гидрометеорологический техникум. Назло родителям и себе. Учился, а самого тянуло к морю. Сбегал с занятий. Во время каникул ходил матросом на малых судах. Искал и не находил средства против этого притяжения. И когда окончил техникум, попросился на самую дальнюю станцию. Надеялся, что прежнее забудется, отодвинется, уйдет с горизонта.

Ледник основательно потеснил его привязанность. Именно здесь, и всего за одну зимовку, он научился сдержанности, собранности — тем качествам, которые раньше казались ему недостижимыми. И кто знает, останься он еще на зимовку, намерения его, быть может, и переменились. Но после отпуска Виктора призывают в армию. А тут уж он постарается, чтобы — в морфлот.

Пройдет время и станет Виктор Рудюк штурманом дальнего плавания. Им тоже нелегко, морякам. Но самые долгие рейсы все же намного короче зимовок на Федченко. Да и природу суровей, чем здесь, вряд ли встретишь. Ледниковская закалка еще не раз выручит

Виктора. Что касается метеорологии, то и она пригодится будущему штурману.

Пока мы с Виктором разговаривали, парни трудились. Обычно в компаниях вся организация, подготовка застолья взваливаются на самого виновника торжества. Он принимает эту неизбежную ношу, как суровый, но справедливый приговор, который обжалованию не подлежит. Мотается по магазинам и рынкам. Крутит мясорубку, взбивает сливки и открывает пробки. Когда приходят гости, он начинает чувствовать себя словно лишним.

На станции такое не случается. Если твой праздник, парни в доску для тебя расшибутся.

— Пожалуйте к столу,— приоткрыв дверь, позвал Яннаев,— все готово. Можете принимать парад.

Праздничный стол удался по всем статьям. Посередине на металлическом подносе, как на троне, возвышался плов, накрытый белоснежным полотенцем.

— Как в лучших домах Одессы,— восхитился Виктор,— только...

Он мог не договаривать. Стол обходился без традиционных бутылок. Во-первых, на такой высоте не рекомендуется. А во-вторых, ничего просто-напросто не было. Принесенный московскими туристами спирт использовался лишь для лечебных целей. После случая с Кругликовым любые отклонения от этого правила исключались. Никто из нас не рассчитывал на чудо.

Женя посмотрел на Виктора, хитровато сощурился, а сказал буднично, даже слишком:

— Кстати, тебе, как имениннику, кое-что с Большой земли причитается,— и пошел в свою каюту.

Спустя минуты две он, словно маг, извлекал из рюкзака шампанское, какие-то домашние сладости и огромную солнцеликую дыню.

— Шаартузская,— не удержавшись, похвастался он.

Все подались к дыне. Она источала такой душистый аромат, что кружилась голова. Наверняка дыни не часто совершают восхождение на ледник. Теперь до меня дошло, почему яннаевский рюкзак был самым тяжеленным.

— Слушай, как ты догадался? У нас в Оше редкий плов без дыни обходится. Ай, молодец!

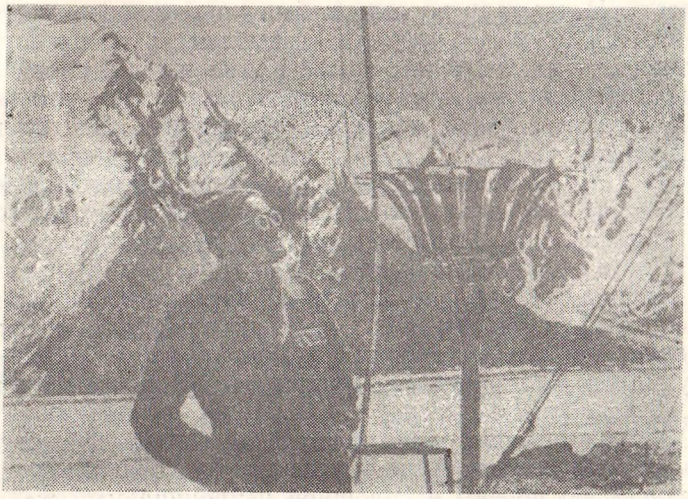
— А у нас в Тольятти,— приподнялся на раскладушке, придвинутой к столу, Кругликов,— на такую дыню «Жигули» выменять можно.

— А у нас на леднике...—начал Фомин, и все рассмеялись.

Именины на Федченко особенно памятны. Географически ледниковцы считаются «высочайшими» людьми планеты. И то, что ты среди них отмечаешь свой маленький юбилей,— разве забудешь такое?

— В марте мне тридцать стукнет,— сказал Женя.— Тоже круглая дата,— он помедлил, приподнял бокал:— Тому, кто приходит следом за товарищем, всегда легче. Ему уже видно, где можно уверенно ступать, где — еще нет. Понятней, как нужно действовать. Это и есть движение вперед. И сейчас я хочу выпить за то, чтобы мне удалось повторить все самое лучшее — в характере и поступках, чем Виктор дорог ледниковцам. Выпьем же за него.

Тостов было много. Значительно больше, чем шампанского. Парни, обычно скупые на слова, расщедрились: последний день Виктор на станции, среди них. Увидятся ли с ним когда-нибудь? Все говорили о встрече. Надо увидеться. Они тут надолго. Будет отпуск — пусть приезжает. Да и они не прочь погостить в Одессе. Если, конечно, пригласит. Виктор кивает: что за вопрос, обязательно. Как только отслужит, сразу даст радио-



Яннаев проверяет показания приборов.

грамму. Квартира большая, места всем хватит.

Тагай о чем-то перешептывался с Сашей. Тот сначала колебался, потом попросил гитару. Песня, сочиненная им здесь, на станции, была проста, как ситец, и голоса у нас никудышные, но к обстановке это подходило:

Ты год провел на леднике,
Держа погоду в кулаке.
Кругом опасности — крепись!
Тебе по нраву эта высь...

Я понимал, что мне здорово повезло: встретился с такими парнями, с которыми я давно мечтал побывать

вместе. И все-таки не совсем был удовлетворен: самого крутого, сложного времени — зимовки я не захватил. Какая она на Федченко, зима? Какие несет с собой испытания? Увидеть бы все, прочувствовать — вот чего мне хотелось. Узнав о моих переживаниях, Виктор посоветовал:

— А ты возьми журнал обсерватории. Записи в нем по свежим следам делаются. Конечно, зимовки они тебе не заменят, но... Глядишь, что-нибудь и пригодится.

Иного выхода и не было.

Начинается журнал с записей первого начальника обсерватории Бодрицкого. Сорок лет назад. Они, как я убедился, пролистав журнал, характерны для жизни сотрудников всех зимовок. Привожу некоторые из них:

«9 декабря 1933 года.

Здание обсерватории полностью готово. Чередующиеся слои кошмы, фанеры, дерева и воздушных пространств заключены в сплошной непроницаемый железный панцирь... Наша «тихая обитель» может противостоять ураганным шквалам ветра, полярной температуре и с успехом выдержать массы снега.

Началась ультраполярная жизнь под облаками.

27 декабря 1933 года.

Громадные сугробы завалили здание совершенно. Всю ночь откапываем верхний люк — единственный выход наружу.

С шести часов утра начался жестокий шторм. Снежинки мчатся со скоростью 35 метров в секунду. Штормовой трос, при помощи которого мы ориентировались, идя к приборам, занесен. Но наблюдения ведутся... Наблюдатели пробиваются, уцепившись друг за друга. Ветер валит с ног, забивает глаза, дышать трудно.

6 января 1934 года.

Сегодня ясный день. В прозрачной атмосфере почти

полное отсутствие пылинок дает громадное напряжение солнечной радиации. Петр Пройдохин обрадовался этому напряжению.

«Фабрику-кухню» он раскинул на воздухе. Наложив котел снега, он, используя солнечную радиацию, получал кипяченую воду. Мы с удовольствием уничтожали чай, приготовленный гелио-кухней.

8 января 1934 года.

Буран. Метелица. Страшное беспокойство. Уже вечер, а Бладыко и Пройдохина нет. Они ушли к леднику на гляциологическую съемку. Что делать? Неужели потеряли товарищей?

Собрали тряпки, облили керосином и бензином. Поддерживаем костер. Я сигналю выстрелами. Но что наша сигнализация по сравнению с той канонадой и шумом, которые принес буран?

9 января 1934 года.

Вечером Бладыко рассказывал:

— Я упал в трещину. Пройдохин пошел за помощью в обсерваторию, но вернулся. Мешал буран. Была опасность не попасть на зимовку и потерять трещину, куда я провалился. Пройдохин решил действовать сам. Он связал все ремешки от приборов, скинул одежду и применил ее как веревку. Когда он вытащил меня, буран был такой, что мы и не пытались тронуться с места. Без спальных мешков зарылись в снег. Крепко прижались друг к другу. Щипали и толкали друг друга всю ночь, чтобы не уснуть навечно. Спички отсырели и разжечь банку сухого спирта не удалось.

6 мая 1934 года.

Ночью во время снежной бури, когда атмосфера была наэлектризована, наблюдали удивительное явление. Голубоватые свечки, иногда достигающие полуметра

в высоту, горели на выступах скал, они вспыхивали над головами, на поднятых пальцах...

Все светилось. Какая замечательная картина!»

Стремительные, как взрывы, чередования прекрасных видений и беспощадной пурги. Контрасты, на которые способны лишь такие гиганты, как Памир и Тянь-Шань. В этом их великая притягательная сила. И труднодоступность.

Когда утром, забросив рюкзаки за плечи, мы приготовились к спуску, Яннаев погрустнел. Кто знает, что предстоит перенести ледниковцам, какие выпады против них предпримет стихия. Да и опять-таки — их будет только шестеро. На многие, многие месяцы. Психологические сложности тоже надо брать в расчет.

— Пишите,— сказал нам Женя,— думаю, с почтой наладится. И Анне моей поклон.

— И моему Ошу,— добавил Тагай.

Саша промолчал.

Втроем они долго стояли на краю ригеля. Километров через пять мы завернули на морену и последний раз оглянулись на станцию. Женя стоял уже один. Видимо, парни ушли на дежурство.

Обратный путь мало чем отличался от прежнего — к обсерватории. Разве что ветер дул в спину, как и положено при спуске. Разве что рюкзак мой стал полегче, а я сам поопытней. Да и Виктор знал ледник не в пример тем, кто поднимался со мной на станцию, чтобы заняться его изучением. До Песчаного мыса мы добрались довольно быстро.

Вертолет как раз забрасывал туда грузы. И на следующий день мы уже пожимали руки пилотам.

Очутившись в аэропорту, вспыхиваешь желанием лететь, лететь, лететь... Но на сей раз я в роли встречающего. Жду Яннаева. В Управлении «Гидроспецслужба» мне сообщили, что он прибывает сегодня.

Рейсов много, диктор едва успевает объявлять о взлетах и посадках. Вполне возможно, что рейс из Джиргаталя она не удостоит внимания: масштабы не те. Четырехместная «Стрекоза» затеряется среди серебристых гигантов. Но Женя не затерялся. Я уже ощущаю его присутствие: вылет нескольких самолетов, отложенный прежде по метеоусловиям, был, наконец, разрешен.

Диктор оказалась проницательным человеком. Чувствовала, по-видимому, с кем имеет дело.

— Совершил посадку самолет, прибывший из Джиргаталя рейсом...

Он по-прежнему нетороплив, Яннаев. Пропустив вперед своих попутчиков, вешает тощий рюкзак на плечо и спускается на землю. На ту самую землю, которую ледниковцы, как и полярники, называют Большой. Глаза нетерпеливо охватывают все, чем живет аэропорт. Первая его фраза была:

— Людей-то сколько!

Больше он ничего не говорил. Только смотрел и смотрел по сторонам — на лица и деревья, жилые корпуса, магазины и снова на лица. Он вглядывался в них, будто никогда не видел столько людей и зданий. Будто хотел приноровиться к шагу прохожих, к их большим и малым делам. А мне казалось, что прохожие приноравливаются к нему, этому высокому, сутуловатому парню в очках.

Особенно часто его взгляд останавливался на жен-

щинах. Откуда ему было знать, что «мини» давно заменены «макси»? Что мы успели привыкнуть к платьям, метущим асфальт... Он даже замедлил шаг перед шатенкой в платье до самых пят. На лице его было недоумение.

— Он что, с луны свалился?— обращаясь к подруге, но достаточно громко, чтобы мы расслышали, спросила женщина.

Яннаев улыбнулся.

— Почти угадали. Оттуда,— и показал пальцем вверх.

Соблазнить его поездкой на такси не удалось. Ему хотелось увидеть, как изменился город. Пришлось идти в его микрорайон пешком. Меня интересовало, как проходила зимовка, а он сам то и дело подбрасывал мне вопросы.

— Что здесь строится?... Когда переведут ТЭЦ на газ?... Улицу так и не расширили?... Хватает ли городу воды?... Собираются ли переносить рынок из центра?... Насколько улучшилось автобусное сообщение?...

— Слушай, я тебе мэр, что ли?—запросил я пощады.

— Прости. Тороплюсь узнать. Ведь скоро опять туда.

Мне стало неловко, как-будто я допустил бестактность. Помолчав, Женя продолжал:

— По-моему, каждый должен быть в своем городе, в своем деле мэром. Понятие личной ответственности становится все шире и шире. У нас там хватает времени подумать, вглядеться в себя и своих товарищей. На станции тоже общество. Только в миниатюре. Своеобразная модель общества. В нем заметней те процессы, которые происходят внизу. И мы ежедневно видим, как каждый из нас, находясь в зависимости от коллектива, сам влияет на его судьбу. Верно сказано у Симонова:

«Чужого горя не бывает». И радости чужой тоже. Подняться на вершину жизни можно будет лишь тогда, когда все на свете станут действовать исходя из этого принципа.

Простые идеи не так уж просты в постижении, не сразу становятся реальной силой. Но они тяготеют к всеобщности. И овладевают людьми безудержно, неотвратимо. Вспоминать об этом надо почаще, как о правилах уличного движения, чтобы не выйти на дорогу при красном свете.

Вокруг нас — безостановочные потоки жизни. В многоэтажных корпусах. На тротуарах. Улицах. На всей нашей огромной планете. И как важно, думая о себе, не отрываться от них. Могучий, негасимый импульс взаимодействия. Взаимогоря. Взаиморадости. Принципы, проверенные в такой модели, как ледниковцы, охватывают у нас сотни, тысячи коллективов.

Я спросил Женю:

— Вышло с посадочной площадкой?

Он помрачнел:

— Знал, что спросишь про нее. Не вышло. Надеюсь, пока... Место мы, вернее, я,— он с силой подчеркнул это — я,— ошибочно выбрал. Два месяца выкладывались. Помнишь ведь, какой там рельеф. Мамонт бивни бы свои сломал. И у нас ломики хрустели. Ты бы посмотрел, как работали парни. Уж больно хотелось сделать ее, эту площадку. Даже Кругликов, когда срослась нога, прихрамывал к нам на подмогу. Самая малость оставалась. Метров пятнадцать... Потом — ко всем чертям полетело.

— Лавина?

— Хуже. Сель. Я говорю: месяца два выкладывались. Пока снегами не занесло. Под самую трубу. В

мае резко потеплело. Грунт поплыл. А площадка-то на склоне...

— Да, досадно.

— Что — да? Что ты понимаешь? — Яннаев резко повернулся ко мне,— не для того я рассказываю, чтобы соболезнование выслушивать. Свой промах сами исправим. Прежде грунт основательно исследуем, а уж затем всем обществом нажимать будем.

— Так уж и всем?

— Решили еще позимовать. Заодно и дело до конца довести. Только Кругликов уехал.

Пока мы шли к микрорайону, жизнь ледниковцев пополнялась для меня новыми подробностями. Я узнал о том, что гляциологические исследования Ивченкова привлекли внимание ученых. О том, что Виктор каждый праздник присылает ребятам радиограммы. И о том, как Тагаю один-единственный раз изменила осмотрительность.

— Случилось это в конце октября, через месяц после вашего ухода,— рассказывал Женя,— к «Чертову гробу» была заброшена гидроаппаратура. Караван уже перестал ходить. Что делать? Решили отправиться за грузом сами — Анатолий, Саша, Алексей и я. Когда возвращались назад, поднялась пурга. Загрузка была основательной — килограммов по тридцать на брата. Да еще ветер с Кашал-Аяка бил снежной крупой. У Алексея горло схватило. Хрипит, еле ноги передвигает. «Оставьте,— просит.— Не могу идти. Потом заберете». Разозлились парни. Дали бы ему чертей, не будь он так слаб. В общем дотащили мы его до подножия ригеля, пальнули разом из трех ракетниц. Пурга крутит, попробуй, разберись в этом хаосе. Но Тагай, который дежурил в те сутки, каким-то чудом услышал. Надел попавшиеся под руку мокрые валенки и скорей

к нам. А вечером мы уложили его в постель с обмо-рожением пальцев обеих ног.

— Как же это ты мокрые обул?— удивлялись ре-бята,— всегда такой спокойный, предусмотрительный...

А он только молча смотрел на нас, будто не видел целую вечность.

В городе Женя тоже живет на самом верхнем этаже. Эта деталь могла бы навести на мысль, что работники горисполкома становятся превосходными психологами. Таким ногам, как у Яннаева, нижний этаж противопо-казан.

— Возьми на заметку,— перемахивая через три сту-пеньки, посоветовал он,— в квартире напротив моей живет старушка, претендует на звание долгожителя. Через два года за первый век перевалит.

Едва он позвонил, дверь распахнулась и его облепи-ли сразу трое — жена, дочь и сын. Прижались к нему, замерли в радостном порыве — тихие и сияющие. Пер-вым отошел самый младший — Сашка. Мужчина все-таки. Он дернул отца за руку:

— Пойдем, мама там вкусного наготовила.

Женя наклонился, легонько щелкнул Сашку по носу, спросил с напускной строгостью:

— А ты уроки-то выучил?

— Какие уроки? У нас уже каникулы.

— Ну да, правильно.

В квартире все было готово к встрече. Усадив нас в гостиной, Аня накрывала на стол. Двигалась она быстро, беспрестанно улыбалась. А в глазах еще про-должала жить невысказанная тоска, которую сразу не вытеснить даже такой вот радостью.

— Ты помнишь, Аннушка, о чем перед отъездом до-говаривались?

Она пожала плечами: как, мол, тут не помнить?

Определенно было сказано: он проведет на Федченко только одну зимовку. А потом поедет с ней на какую-нибудь другую станцию, пониже.

— Да не о том я, Аннушка,— вздохнул Яннаев,—не о том.

Она еще не догадывалась, что он остается на Федченко. Она еще не знала, что все это не на один, а на многие годы. Легко согласилась:

— Конечно же, не о том. Просто все время думала, думала... Саша, принеси папе наш общий подарок.— Пояснила мне:— К дню рождения Жени мы договаривались аккордеон купить. Саша каждый месяц доставал его, пылинки смахивал. Вот, говорит, нажму на клавишу, папа услышит и приедет. Сколько раз нажимал...

— Аннушка, что сейчас — встреча или проводы?

— Не буду, не буду,— она опять заулыбалась сквозь набежавшие слезы.

Женя склонил голову над белоснежными клавишами. Она присела рядом, чуткая, как камертон. Услышав мелодию любимой своей песни, повела высоким счастливым голосом:

...А рассвет уже все заметнее.
Так, пожалуйста, будь добра,
Не забудь и ты эти летние
Подмосковные вечера...

Пела она ясно и самозабвенно. В распахнутое окно вливался шум города. Среди него, этого шума городской жизни, как лебедь средь волн, плыла, покачиваясь, песня.

22 т.